

Назарова Ольга

**Абсолютно
неправильные
люди.**

**Москва -
Питер**

Книга вторая

Ольга Станиславовна Назарова

Абсолютно неправильные люди. Москва – Питер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69130831

SelfPub; 2023

Аннотация

Некоторые люди всё делают неправильно... Из-за подобранного котёнка отказаться от выгодной и привычной работы и быть отправленным из родного Питера в ссылку, в зимнюю и непривычную Москву? Ну, и ладно. Случайно встретить там рыжеволосую девушку и влюбиться с первого взгляда? Запросто! Искать её в незнакомом городе, раз за разом терпя неудачу? Бывает! Найти, влюбиться ещё сильнее и лишиться друг друга? Оказаться в разных городах, с огромной пропастью между семьями, но всё равно стремиться друг у другу вопреки всему? Да легко! Главное и самое трудное – это выбрать, а что ты сам-то хочешь? Успешную карьеру с протекцией деда-академика, деньги, научную славу и нелюбимую девушку, которую тебе изо всех сил сватают родственники? Или рыжеволосую «ветеринаршу» Милу, свою смешную полосатую кошку Мурьяну и себя самого в придачу? Нева и Москва-река не встречаются, не вливаются друг в друга, но люди не реки, и Максиму придётся самому решать, как ему жить и для чего.

Содержание

Глава 1. Москва и коварство её поворотов	4
Глава 2. Глюк операционной системы химика	17
Глава 3. Животные меры против жмота	28
Глава 4. Чрезвычайно экономный гость со своим уставом	39
Глава 5. Производство розовых очков в промышленных количествах	50
Глава 6. Очень чёрный день чрезвычайно экономного человека	68
Глава 7. Болтливый источник информации	79
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ольга Назарова

Абсолютно неправильные люди. Москва – Питер

Глава 1. Москва и коварство её поворотов

Макс всегда был достаточно аккуратным человеком. Приходилось таким быть! Во-первых, он всегда был материным любимцем, поэтому в его комнате она убиралась часто и с удовольствием. Как только ему исполнилось пятнадцать, он категорически запретил матери заглядывать в его шкафы, пока они закрыты. Поэтому пришлось укладывать вещи так, чтобы они оттуда не вываливались и научиться складывать всё так, чтобы было видно, что там кто-то что-то перекладывал. Во-вторых, профессия, будь она неладна. Химику не положено быть раздолбаем – это может быть смертельно опасно.

К окончанию вуза и поступлению в аспирантуру, он уже был на пути к некоторому педантизму, поэтому уставился на корзину, куда складывал грязное бельё, в немом изумлении.

– Не понял... а где они? – Макс пошарил в корзине, поче-

сал затылок, в надежде, что этот непрямой массаж головного мозга как-то ему поможет осознать, куда именно делись четырнадцать пар его носков, которые он собрался оптом постирать? – Чего-то я того? Я ж помню! Они тут были! Я их не того... Не стирал ещё!

Носки он копил и запускал в стирку раз в две недели, что с его научной точки зрения было значительно более оправданно, чем стирать их руками.

– Так, ладно! Мыслим логически. Максим Антонович, ты мыслить вообще как-то можешь? – спросил он у своего зеркального отражения. Отражение пожало плечами и покрутило пальцем у виска. – Дожил! Уже с зеркалом разговариваю! Мурьяна! Мурьяяянаааа! Хоть бы ты со мной поговорила!

– А о чём? – собеседница нарисовалась на пороге ванной, словно выпрыгнула из третьего или какого-то иного загадочного измерения, куда кошки и даже котята отлично умеют при желании скрываться.

– Ага, вот ты где! Хоть ты нашлась! – Макс подхватил с пола невесомую Мурьянку и почесал её за ушком. – Прикинь, я точно собрал носки, а куда они делись, убей не помню!

С точки зрения Макса, разговаривать с кошкой, даже с кошечкой-подростком, значительно нормальнее, чем с зеркалом.

– И только-то? Сразу бы спросил! Носки...носки... а! Это та шкурка, которую вы натягиваете на задние лапы,

прежде чем совать их в налупники? – Мурьяна, как примерная кошка, хоть пока и маленькая, знала всё про всех. Начиная от длинных ломучих штучек, которые её Макс звал «пагети», их Мурьяна повытягивала из шуршащего пакетика и раскатала по всей квартире. И смешной наивный Макс до сих пор был уверен, что собрал всё... Про налупные шкурки Мурьяна тоже отлично всё знала – ещё бы! Столько труда потратила, вытаскивая их и вынося подальше от уютной и приятной корзины, которую она выбрала для себя.

Между прочим, Мурьяне приз полагался за терпение! Она каждый день обнаруживала скатанные шкурки с Максовых лап в своём убежище, каждый день кротко и терпеливо вытаскивала их и складывала НА МЕСТО! А он опять сорил в её домике!

– Мурьяна... И почему мне кажется, что ты знаешь о моих носках больше чем я сам? – уточнил Макс, следуя за кошечкой в комнату. – Не понял... А что они все делают за шкафом?

– *Как что? Живут!* – удивилась Мурьяна непонятливости хозяина. – *Им там очень хорошо! И мне хорошо! Я их не вижу и не чувю. И тебе неплохо. Потому что они рядом со всеми остальными такими же шкурками. За стеночкой!*

– Мурка! Ты зачем все мои носки туда упихала? И как ты вообще это сделала? Ёлки... не добыть, так утрамбовано! – ворчал Макс, лёжа на животе у шкафа и выколупывая свою одежду.

– А чего сразу Мурка-то? – оскорбился котёнок. – Взял и всё подоставал! Нет, ну гляньте, кошки добрые! Куда ж ты опять мне домик пачкаешь? Не положено им тут лежать!

Она трудолюбиво затопотала лапами за Максом, на его глазах прыгнула в корзину, вытащила одну из носковых «скаточек» и целеустремлённо поволокла её обратно за шкаф.

– Мурьяна! – с тем же успехом Макс мог и ничего не говорить. Всё равно это бесполезно. – Вот упёртая! Где мне, по-твоему, носки складывать?

– Я же показала, где их место! – возмутилась кошечка, подпихивая носки в щель между стенкой и шкафом. – А ещё умный!

– Мурь, как же я раньше-то без тебя жил? – расхохотался Макс, в ответ на сердитый взгляд жёлтых глаз.

– Оно и видно, что плохо! Шкурки хранить не умеешь и вообще почти всё неправильно! То уснуть не можешь... – Мурьяна прочно взялась за обустройство жизни Макса и всерьёз за него переживала. – То пакость всякая снится...

Тут она была права. Макс, переживший предательство и подставу девушки в которую был по-настоящему влюблён, спал и правда так себе. А тут ещё и дед...

Дед Макса был учёным-химиком, академиком с кучей регалий, научных открытий, книг и работ. Кроме этого, он был ещё весьма и весьма властным человеком, обожающим руководить своим семейством железной рукой, нимало не сму-

щаяся тем, что у них могут быть какие-то свои желания и взгляды на жизнь. В прошлом году, правда, нашлись люди, немного сбившие с него спесь, но, к сожалению, это был вовсе не Макс, а его двоюродный брат Сергей и его тогда ещё невеста. Им же удалось вытащить самого Макса из ловушки, устроенной его любимой девушкой. Собственно, после этого Макс стал замечать за собой некоторые странности – его жизнь менялась. Неожиданно в ней появилась крошечная Мурьянка, которую он подобрал в омерзительнейший, мрачнейший и безнадёжнейший день ноября. А кто же не знает, что ноябрь в Питере вообще почти что невыносим?

Так вот эта самая Мурьянка, крошечная, грязная, тощая, в чём душа держалась, стала настоящим спасением для измученного Макса. К огромному изумлению своих родных (практически всех, кроме Сергея и его Лены) Макс котёнка оставил, мало того, её интересы он совершенно очевидно считал более важными, чем даже приказы собственного властного деда.

Дед, который являлся научным руководителем и непосредственным начальством Макса, некоторое время обдумывал сложившееся положение, а потом взял и подписал приказ о кадровом перемещении молодого аспиранта в Москву.

– Там разрабатывают наше направление, они просили кого-то прислать, твой старший брат нужен мне здесь, а ты поезжай... Общежитие тебе там выделят, только вот... кошку

твою дурацкую придётся оставить. Вряд ли тебя с ней в общагу пустят, а квартиру снимать – вряд ли у тебя есть накопления... – академик Игорь Вадимович Вяземский точно знал, что у Макса лишних денег нет. Нет, он зарабатывает, конечно, неплохо, но на жизнь в Москве, нормальные развлечения, ему свойственные, да на съём квартиры, где потерпели бы его подзаборную мелкую кошку, ему точно и абсолютно не хватит. Дед внука знал. Понятно же от чего, точнее от кого внук откажется! Да, он не приехал на семейное празднование Нового года, отговорившись своей дурацкой кошкой, ну, так получай! И деньги, которые он, Игорь Вадимович, Максу регулярно подбрасывал, теперь молодому глупцу не светят, и завешание обновить не грех, раз уж один из наследничков так себя повёл!

Всё это Максу было высказано, только вот должного эффекта не оказало.

Макс выслушал дедовскую тираду вполне равнодушно, буркнул что-то вроде:

– В Москву так в Москву...

И даже деньги не стал выпрашивать.

Разгадка была проста.

– Серёга, спасай! – звонок тому самому мятежному двоюродному брату самого Сергея не сильно удивил. За прошедшие пару месяцев, они стали друг другу значительно ближе и как-то роднее, что ли...

– Шо, опять? Тебя опять обвиняют в краже бесценного

ювелирного украшения? Или ты нашёл на улице крокодила и жаждешь Ленкиной консультации? Так она айтишник, а не зоолог.

– Всё хуже, брат! – торжественно объявил Макс. – Меня отправляют в ссылку в вашу проклятую Москву!

– Почему это проклятую? – возмутился Сергей.

– Да потому, что по велению моего начальства, сиречь нашего дедули, я должен ехать в общагу и лишиться главной женщины в моей жизни – моей Мурьяны! Спасай нас, коро-
че!

– Ну, это уже подловато... – оценил Сергей.

– Именно. У тебя нет знакомых, которые могли бы сдать за скромные деньги комнату исключительно положительному молодому учёному и его кошечке месяцев пяти от роду?

– Надо подумать... Как я понимаю, Мурьяну ты не бро-
сишь?

– Нет, не брошу. Это не обсуждается ваааще никак. Я скорее уволюсь! – решительно заявил Макс, который за проведённое с Муркой время ожил и почувствовал себя вполне счастливым!

– погоди, не пори горячку. Мы с Леной подумаем и поспрашиваем. Лады?

Вот именно эти «лады» от Сергея Макса и успокоили. Нет, он и сам пошарил по объявлениям, даже нашёл вариант – комнату, которую по деньгам тянул, но кошка, даже маленькая, там категорически исключалась и хозяевами, и соседями.

ми.

Он решил начать сборы, уповая на собственное везение и братца, а потом выяснил, что всю жизнь хранил носки не там.

– Нет уж, пошло всё! Я от Мурки не откажусь! – решительно заявил он в пространство, наглаживая припавшую к нему Мурьяну.

Пространство откликнулось звонком смартфона.

– Макс, мы тут подумали, подумали... С кошкой в комнату и правда, не пускают. Но мы можем немного потесниться и приютить вас с Мурьяной, – голос Сергея сделал солнечным омерзительно-пасмурный январский день за окном Максовой квартиры.

– Серёга! Я... я так вам благодарен! А как ты Лёну уговорил?

– Да никак не уговаривал. Она сама предложила. Не бросать же вас... – хмыкнул Сергей.

– Да... Нас не бросать! Правда Мурьянка? Люди, вы в ответе за тех, кого приручили! – сообщил кузену разом развеселившийся Макс, у которого с плеч прямо гора рухнула. – Я вам буду платить, ты не думай.

– Иди ты в баню! – посоветовал ему Сергей. – Сходи, попарься, авось мозги просветлеют. Будешь к чаю чего-нибудь покупать и хватит с тебя!

– Мурка! Живём! – обрадовался Макс, подбросив озадаченную котейку в воздух и бережно её поймав, – Там у Се-

рёги и Лены две кошки плюс огромный пёс и крооошечная собачка! И тебя там будут учить прятать вещи получше, так чтоб никто никогда не нашёл, петь колыбельные кошачьи антидепрессивные песни любой сложности и тырить погрызухи у бедняги Полкана.

– *Тырить? Это я люблю!* – обрадовалась Мурьяна.

Таким образом, грядущий бытовой кошмар легко превратился в неожиданно приятную поездку. Дед, уверенный, что теперь-то внук избавится от своей глупости и снова станет управляемым, отправился на очередной научный конгресс. Его невестка – мама Макса, нервно причитала над поездкой любимца в «эту вульгарную купеческую Москву», и совала ему деньги на всякий случай, а старший брат Вадим язвительно фыркал о вреде «кошкотоводства».

– Был нормальным, стал на выселках!

– Ничего себе выселки! – Макс Москву не очень любил – слишком шумно, слишком бестолково, слишком... Ну, не так и всё тут! После Питера в Москве казались непривычными даже слова.

– Почему подъезд, а не парадная?! – насупился было Макс, но характер у него был лёгкий, так что он решил не придирается: – А, впрочем, ну, какая разница! Главное, что с Мурьянкой!

Так, с помощью одной молоденькой гладкошерстной серой в полосочку кошечки была реабилитирована целая Москва!

Макс быстро освоился на новом рабочем месте, правда, возвращаясь домой, чувствовал себя неловко. Ну, в смысле, к Серёге домой. Понятно же, что они с Леной недавно поженились, а тут родственничек привалил!

Но ни Сергей, ни Лена ничуть не раздражались его присутствием, Мурьяна, после первой робости при знакомстве с местной живностью – белой гладкошерстной Симой, рыжей толстой Фросей, огромным Полканом и миниатюрной хозяйственной Милочкой, стала законным членом стаи и теперь уже Лена разыскивала носки и почему-то кухонные полотенечки...

– *И тут не умеют хранить на лапные шкурки!* – возмущалась Мурьяна.

Макс уже неделю прожил в Москве, когда на город свалилась ежегодная зимняя напасть – оттепель с обильным дождём, сменившаяся трескучими морозами.

Ледяной дождь превратил тротуары в блестящий каток и Макс скользил по этому катку вполне успешно и умело.

– Прискользю... нее, прискольжу..., тьфу! Приеду к Серёге с Леной, поужинаю, возьму Мурьянку, и спаааать!

Устал он сегодня вполне всерьёз. Москва на него вообще действовала странно. Слишком шумная, слишком активная, слишком неправильная! После питерских улиц московские вели себя как подвыпившие купчихи – заворачивали куда-то, утыкались в бульвары, не подчинялись никаким правилам. Он и представить себе не мог, как этот непривыч-

ный город ему отомстит за пренебрежение его улочками!

– Какой приидуурооок тааак строооил! – стонал Макс, изо всех сил стараясь собрать конечности и привести их к какому-то общему знаменателю. Например, доехать вооон до того угла. – Одниии повооорооотыыы!

Он с усердием настоящего учёного сфокусировался на задаче сохранить равновесие и не заметил, что ему навстречу из-за этого самого угла выехала девушка в светлой дублёнке. Она так же старательно смотрела себе под ноги, абсолютно не глядя по сторонам.

– Иийийй! – пискнула девушка.

– Уххх...! – чуть не высказался Макс, натолкнувшись на неё. – Да что же вы так под ноги-то не смотрите!

– Простите, я смотрела, но вас там не заметила! – довольно сердито отозвалась девушка, стараясь определить, все ли части тела у неё целы. Некоторые сомнения вызывали колени, правый локоть и бок.

– Я, вроде, не такой уж мелкий! – возмутился Макс, выяснив, что голова у него по-прежнему на шее, а шея, как ни странно, цела, повернул голову на виновницу своего неожиданного приземления. Капюшон дублёнки при падении слетел, открыв массу рыжих кудрявых волос, лежащих на плечах крупной волной. Яркие, неожиданно зелёные глаза уставились на Макса весьма хмуро.

– Может, и не мелкий, но такой невнимательный! – фыркнула девушка.

– Эээээ, – Макс никогда на недостаток слов не жаловался. А тут как отшибло всю его находчивость, чувство юмора и обаяние до кучи. Нет бы отшутиться, сказать что-то вроде, что он никак не мог не заметить такую яркую красоту... Ну, хоть бы что- то сказать! Нет, как приморозило!

– Вы чего? Сломали себе что-то? – подозрительно уточнила у него девушка.

– Нееее, – выдавил Макс, соображая, что он мог себе сломать и имеет ли это хоть какое-то значение...

– Ну, и ладно! Уй, коленка! – девушка с трудом удерживая равновесие поднялась, ощупала правое колено. Хотела сказать ещё что-то ядовитое о неуклюжих мужчинах, но видя, как объект так и сидит на ледяной корке, решила, что раз лежачего не бьют, то и сидяче-падучего тоже. Осмотрелась, увидела подругу на встречу с которой спешила и замахала рукой.

– Настояя! Я тууут!

– Мила! Ты чего? Цела? – к ним ловко приехала очень красивая девица, напоминавшая какую-то известную личность. – У вас тут что? Ледовое побоище было?

– Что-то вроде того! Ладно, поскользили! Хотя, погоди секунду! – рыженькая девушка оказалась добросердечной и сменив гнев на милость участливо уточнила у Макса. – С вами точно всё в порядке?

– Угу! – кивнул Макс, проклиная своё внезапное состояние. – Практичччки...

– Вот и славно! Настя, пошли! Оооой, да ёлки-палки, почему ни одного дворника на горииизооонтеее! – попискивание смеющихся подруг удалилось в парке, а Макс начал приводить себя в порядок. Начал с подъёма организма, практически примёрзшего к ледяной корке, а закончил неожиданным выводом: – Это самая красивая девушка из тех, кого я видел!

Его прошлая подружка, смахивающая на эфемерного эльфа, придушила бы Макса на месте! Сама Мила, которая всю жизнь считала, что Насте, похожей на Наталью Гончарову так, словно портрет жены Пушкина с неё писали, она и в подмётки не годится, удивилась бы чрезвычайно. Но факт остался фактом – Настю Макс почти не заметил. Почти – потому что был ей благодарен за имя той, рыженькой. Мила!

– Остались сушие пустяки! Найти в Москве рыженькую Милу, разогнать всех её поклонников и дело в шляпе! – сообщил он себе. – Нда... Вроде приземлился на пятую точку, а отбил мозги. Как странно в нашем организме всё устроено...

Глава 2. Глюк операционной системы химика

– Мааааакс, а Макс! – Сергей не очень понимал, чего это его двоюродный братец уставился в стену и внимательнейшим образом рассматривает её вот уже полчаса. – У тебя что? Перезагрузка системы? Я тебя уже несколько раз спросил, будешь ли ты ужинать?

– Аааааа, ну это да... Конечно... – пробормотал Макс, не отрываясь от стенки.

– Лена! – окликнул Сергей супругу. – Это что-то по твоей части. По-моему, у него операционная система глючит!

Макс не среагировал даже на это! Правда, ему пришлось сфокусироваться на действительности, потому что Мурьяна, которая уже несколько раз пыталась привлечь внимание своего человека, рассердилась, что у неё это не получается и попросту ущипнула зубами за кожу на его запястье.

– Мурьяна! Ты чего? – возмутился Макс.

– Да она уже устала, бедненькая! – осуждающе покачала головой Лена. – И в глаза тебе заглядывала, и головой бодала, и даже песню спела! А ты всё ни мур-мур! Да! Пока ты выпал из астрала, может всё-таки нас просветишь? Ужинать ты сейчас будешь или попозже?

– Ааа! Чего ж сразу не сказали? Я сейчас! – Макс помотал

головой, прогоняя образ рыженькой девушки, нарисованный его воображением на стене.

– Я тебя сейчас по загравку тресну! – пообещал Сергей. – Я тебе уже несколько раз этот вопрос задавал!

– Неее, не надо меня по загравку, мне уже сегодня досталось! И что у вас за город, одни повороты и горки? Приземлился так, что аж до сих пор не по себе!

Макс потёр бок и снова вспомнил про рыжеволосую девушку.

– Да что ты замираешь-то всё время? В кууухнююуюу разворачивайся! – Сергей за плечи направил кузена в нужном направлении и озадаченно прищурился – Макс не возражал! – Слушай, у тебя всё в норме?

– А что?

– Да ты какой-то пришибленный.

– Ну, в принципе, определение верное, – вздохнул Макс.

– И вздыхаешь через слово... Или на деньги попал, или влюбился! – пошутил Сергей, а не дождавшись громких возражений изумлённо переглянулся с Леной. – Это... я чего, угадал? С деньгами проблемы?

– Да неее, не то! – отмахнулся Макс.

– Влюбился? – Сергей был готов посмеяться над глупым предположением, но вовремя посмотрел на физиономию родственника и хмыкнул: – Да ладно! И когда ж ты успел?

– Долго ли... – безнадёжно махнул рукой Макс. – Шёл-

шёл, никого не трогал, потом с девушкой столкнулся.

– И что?

– Постыдно рухнул на пятую точку, ушиб её, между прочим. Не девушку, а то, на что упал! – невесело объяснил Макс.

– Упал, потерял сознание, очнулся – гипс? – рассмеялся Сергей.

– Ну, как-то так и получилось. Да лучше бы гипс, если честно! Я вообще ничего про неё не знаю! Ничего не знаю, кроме имени!

Сергей с трудом вернул на место нижнюю челюсть, непроизвольно поехавшую вниз от откровений Макса, потому что его личная жизнь всегда была тайной за семью печатями. Сергей сильно подозревал, что это из-за того, что матушка Макса любила его больше остальных детей, ну, соответственно, и интересовалась подробностями его жизни значительно активнее, так что тому приходилось шифроваться как можно надёжнее.

Про Макса всегда знали только самый минимум и без подробностей. А тут он сам рассказывает, да ещё откровенно!

– Так, погоди-ка, ты сейчас шутишь, или всерьёз? Если всерьёз...

– Похоже, что всерьёз... – Макс сам себе удивлялся. Он в принципе не был склонен к спонтанной влюблённости, а тут... – Хотя, может, это я так, грохнулся сильно, вот от шока и мерещится! – спохватился он.

Ну, правда! Он нормальный, вменяемый молодой мужчина. Какие там мгновенные страсти? Этого в принципе не бывает. Понравилась ему рыженькая кудрявая девушка, бывает! Ему и раньше мимолётно кто-то нравился.

Макс заставил себя пойти в кухню, поужинать, даже предложил составить компанию Лене и Сергею на собачьей прогулке, но последний покачал головой:

– Ты – человек ушибленный всем организмом с размаху об лёд! Иди и отдыхай.

Макс бы и рад, только вот с постоянством настоящего наваждения все мысли крутились вокруг Милы!

Весь ужас своего положения Макс начал осознавать, когда Лена, придя с прогулки, громко воскликнула:

– Мила!

Макса с дивана аж снесло! – Мила? Где? Да ёлки-палки! У них же мелкую собаку так зовут! – сообразил он. – Ну и что? И чего мне-то до этого?

По всему выходило, что ничего, а вот каждый раз, когда Милу звали, Макс чуть не подскакивал.

А Милу звали часто!

– Я не понял... Где мои тапки? -Сергей озадаченно оглядывал абсолютно пустое прикроватное пространство. – Милаааа! – нёсся его крик за чёрно-белой длинношерстной чихуа, которая мчалась по коридору, унося второй тапок в своё тайное место, где уже хранилась бережно запрятанная подальше первая составляющая обувной пары. – Верни обууу-

увь!

– Эээээ, тут только что был пульт! – Лена строго сощуривала глаза, сразу определяя виновницу происходящего. – Мила! А ну-ка быстро принесла на место!

– Это не собака, а хомяк, который решил изображать из себя чихуа! – бормотала Лена, опустошая очередной Милин тайник. – Не лей слёзы! Ты сама виновата! Ну, нельзя же притырить все зарядники в доме и думать, что этого никто не заметит!

А Мила реально плакала! Карие глаза наливались слезами и смотрели так, что виновник слёз сразу начинал ощущать себя редчайшим подлецом!

– Ну, всё, всё! Вот, смотри! Всё это я тебе оставляю! Игрушки, погрызушки, погоди... А носки тут чьи? Явно не Сергея!

– **Чьи-чьи... Мурьянкины!** – вздыхала по-собачьи Мила. – **Она их сюда прячет с моего разрешения!**

– *Ненадёжное место оказалось...* – расстроилась Мурьяна. – *Будем искать дальше!*

Она подозрительно покосилась на здоровенного Полкана. Да, кошки Сима и Фрося сказали ей, что бояться его не нужно.

– *Он очень послушный! Команды наши слушает с первого раза – мы его хорошо обучили, лучше, чем люди! Спать на нём, опять же, приятно! Мягкий и с подогревом!*

Всё это, конечно, отлично, но у Мурьяны были подозре-

ния, что этот самый пёс может найти и забрать себе её ценности!

– *Не переживай! Мила сразу орать начинает, и он всё-всё отдаёт, что не успел проглотить,* – утешила котёнка Сима, которая считала себя главой прайда, стаи, а, значит, и всей квартиры. Точнее даже двух квартир – той, где живут родители Лены и той, где Лена и Сергей.

Мурьяна с ужасом представила, что эта кошмарных размеров пасть распахивается и туда всасывается всё, буквально всё, что она с таким трудом собрала. Правда, пока её запасы были изъяты Леной.

– Макс, а Макс... Это не твои носки? Маааакс! – Лена уже была готова извиняться за вороватую и хозяйственную чишку, но, когда ей удалось дозваться до Макса, он среагировал забавно.

– А? Чего? Носки? А! Да, мои! Я забыл предупредить, что у меня Мурьяна великий специалист по перекладыванию моей одежды. Она уверена, что носки без её присмотра расползаются и исчезают, так что трамбует их между стенками и шкафами. Так что ты не удивляйся, если что... Это моя лягушонка в коробчонке творит!

– Ээээ, я тоже забыла тебя предупредить! Если у тебя что-то пропадает. Ну, из мелочей. Ты не пугайся, очень возможно, что это наша Мила.

– Мила? – вскинулся Макс, только-только титаническим усилием воли заставивший себя отвлечься от дурацких мыс-

лей. – Ну, она же тоже Мила, – в который раз напомнил он себе.

– А кто ещё? – удивилась Лена.

– Да, понимаешь, встретил на улице девушку, знаю только имя. Как раз Мила её зовут... Ну, никак из головы не выходит!

– Такая красивая? – понимающе улыбнулась Лена.

– Рыженькая, кудрявая, глаза зелёные-зелёные, – мечтательно заулыбался Макс.

– *Так! Это уже интересно!* – белая кошка Сима любила быть в курсе всего, что происходит в её домах. – *И чего все так любят рыжих?* – она критически осмотрела толстую рыжую кошку Фросю, профилактически стукнула её лапой по уху – чтоб не зазнавалась, и отправилась обрадовать Мурьянку, поведав о том, что у неё хозяин сошёл с ума.

Мурьяна, примчавшаяся к своему человеку с топотом конницы Будённого, обнаружила его с дурацким мечтательным видом на морде и озабоченно уточнила у Симы.

– *И как его лечить?*

– *Попробуй усыпить, может, поспит и оно само пройдёт!*
А нет, будем экспериментировать с шоковыми методами.

Бедняга Макс, который и знать ничего не знал о собственных грядущих потрясениях, раздумывал, есть ли смысл караулить в скверике напротив того поворота или можно поискать девушку как-то иначе.

А объект его помыслов как раз в этот момент изливал ду-

шу лучшей подруге.

– Насть, счастливая ты! У тебя Виктор есть и у вас всё серьёзно, ты замуж собираешься, а я? Хожу-хожу за Борей, а он...

– Ну, может, не стоит так уж ходить? – осторожно уточняла Настя, о которой все её знакомые, как и совсем незнакомые, случайно увидевшие её люди, говорили, что она – копия Натальи Гончаровой на том самом знаменитом портрете. Милу она знала с раннего детства. Знала и любила, поэтому очень хотела, чтобы у подруги в жизни всё наладилось!

– Насть, я же его люблю, а он... Он такой серьёзный! Такой умный! – всхлипывала Мила, вытирая заплаканные глаза кухонным полотенцем. Куча бумажных платочков, вымоченных до основания, явно сигнализировала о глубине и масштабности страданий.

Настя как раз сомневалась в уме этого самого Бориса. Вот в расчётливости не сомневалась ни разу, а в уме... Ну, скажите, пожалуйста, где там ум у человека, который отчитывает её Милу за то, что она купила себе дублёнку? Тем более, купила-то за деньги, которые ей родители дали! Какое, спрашивается, дело этому самому Борису до этих денег? Но нет! Настя сама, собственными ушами слышала, как Борис журит Милу, и рассказывает ей, что надо было купить пуховик, а не дублёнку, да ещё с опушкой!

– Боря... Тебе не нравится? – Мила тогда так растерялась, что Настя едва не пристукнула этого напыщенного челове-

ка. – Мне так некрасиво?

Рыженькая, симпатичная, зеленоглазая её подружка, весёлая и жизнерадостная, ласковая, как котёнок и отзывчивая, сразу съёживалась, хлопала глазами, словно перестраиваясь на чужую волну, а потом уже просто замороженно смотрела на своего Боречку.

– Мила! Тебе очень идёт! И ты очень-очень красивая в этой дублёрке! – решительно заявила Настя и едва сдержалась, услышав от оппонента:

– Это непрактично! Сейчас часто идёт дождь и пуховик лучше!

Да, он был прав, разумеется, но это что, причина, чтобы не иметь дублёрку? Или не радоваться, если ты её уже купила?

И так было практически со всем! Борис не одобрял косметiku, духи, туфли на каблуках, стрижки, маникюр, походы в театр, кино, кафе. На любое неодобрение он находил аргументированный и развёрнутый ответ, но Насте, которая частенько наблюдала за всем этим со стороны, всё чаще и чаще казалось, что причина всей этой нелюбви одна-единственная – деньги!

– На всё это надо тратить деньги! Он просто скряга! – Настя была в этом практически полностью уверена. Нет, не были они с Милой транжирками. Вовсе нет. Обе учились на бюджете и учились честно. Мила, ко всему прочему, ещё и работала у отца на ферме в качестве помощника ветеринара. Так что, как деньги зарабатывают они обе знали и цену

им разумели. Поэтому упрёки Бориса в транжирстве Настя никак не воспринимала! Зато Мила – ещё как! Вот и сидела Настина подружка на кухне своей бабушки и лила горькие слёзы.

– Мил, мы с тобой уже сколько лет знакомы? Ну, с ранне-го-раннего детства, да? – напомнила ей Настя, которая, живя дверь в дверь с Милиной бабушкой, познакомилась с Милой ещё в песочнице во дворе их дома. – Ты мне можешь объяснить, чего этому твоему Боре не хватает?

– Ссссррьёёёёзностиии! У меня! Ну, то есть мне не хватает срьёёёёзностиии! – в очередной раз разревелась Мила. – Я это... легкомыысленнаяя!

– Да чем, ёлки-палки? Чем? Ты учишься – одна из лучших студенток на курсе, родителям помогаешь – работаешь! Тебя уже ваш профессор по ветеринарии к себе в клинику зовёт работать! Так?

– Так! Но я это... транжира! И дублёрка, и сумкаааа... – всхлипнула Мила, предъявляя подруге виновницу последнего скандала с Борисом – коричневую сумку.

– А что с ней такое? Сумка как сумка... Вроде на миллион не тянет!

– Да какой там миллион! Ты что! Я её на распродаже купила – она удобная, потому что большая, вместительная! У меня туда даже конспекты помещаются. А Боря сказал, что у меня две сумки уже есть, а для остального надо пакетик брать.

Настя с трудом не высказала, куда именно нужно деть Боре этот самый пакетик, и очень даже вовремя, потому что над её головой прошуршали белые крылья, на середину кухонного стола спикировал какаду Гаврила и заорал.

– Гаврюша, ты меня жалеешь? – Мила потянулась за полотенцем, но его ловко цапнул какаду. Подтянул мокрую ткань к себе и разразился гневной тирадой. Такой, что он даже лапами по столу притопывал от сердитости! – Аааа, и ты туда же... А ты чего на меня ругаешься?

– По-моему, он-то как раз ругается правильно! И Елизавета Петровна, твоя бабушка, тоже говорит верно! У тебя должно быть своё собственное мнение! Возможность выбора, возможность купить то, что тебе нравится, за свои-то деньги!

Гаврила активно закивал. Ему этот самый Борис не нравился категорически. Точнее, он его и не видел ни разу – в гости этот самый червяк не приползал, но даже разговоры о нехорошем типе, посмеавшем расстроить Милу, страшно раздражали и Гаврилу, и трёх кошек, и мелкую, пролазную да скандальную псину – Фоксу.

Глава 3. Животные меры против жмота

– *Какой мррррякостный тип!* – толстая серая Буня, внимательно выслушивающая все Милины откровения, правдоподобно сделала вид, что её тошнит. – *Нашей Миле он не подходит!*

– *Мне тоже так показалось. Он же не будет давать ей корм и покупать новых меховых мышек. А ещё может решить, что лежанки – это роскошь, и можно спать на тряпке!* – трёхцветная Рома маленьким котёночком попала в очень бережливое семейство, решившее, что если они возьмут кошку со «счастливым» окрасом, то им привалит много-много денег. Они были абсолютно уверены, что котёнка можно кормить хлебом и остатками супа, подпрокисшей кашей и картошкой. Спала она на клоке старого-престарого пододеяльника, который хозяевами гордо именовался «кошкина постеля». Когда её первые хозяева обнаружили, что денег что-то не прибавилось, кошечка-подросток, худая, с плохой шерстью и тоскливым взглядом, была бестрепетной дланью хозяйки дома отнесена к помойке вместе с «постелей».

Собственно, там её Елизавета Петровна и нашла. Нашла и только руками развела – у котёнка от слабости тряслась

голова, а от недоедания на шкурке были проплешины.

Теперь Ромина была красивой, гладкой, упитанной кош-
кой, очень уважавшей миски с кормом и собственные матра-
сики и лежаночки. Зато чрезвычайно не уважавшей скупых,
скряжистых и излишне расчётливых людей.

– *Судя по тому, что про него Мила говорит, он такой же, как мои предыдущие люди!* – Ромина шерсть вставала дыбом от одного воспоминания. – *Пусть он только сюда придёт! Мы ему устроим!*

– *Дааа! Он у нас попляшет!* – чёрная Нори гневно сверкала глазами.

– *Нееее, не так! Если мы в него все вопьёмся и поцаррра-
паем или погрызём, Мила его будет жалеть!* – Буня была
самой опытной и разумной.

– *По очереди будем царапать?* – Нори заинтересовалась
новой методой.

– *Нет!*

– *Сначала царапать, а потом грызть?* – обрадовалась Ро-
ма.

– *Да нет же!*

– *Клееевааааать! Мы будем его клевааать!* – раскричал-
ся воинственный Гаврила.

– *Это неплохая идея,* – одобрила Буня, – *Но если ты его
клонешь, он сбежит и заберёт с собой нашу Милу!*

– *Мою Милу?* – Гаврила к Миле относился покровитель-
ственно.

– Именно её!

– Я не позволяю! – белоснежные крылья широко распахнулись, щедро посыпая окрестности тончайшим белым «тальком», который выделяет для смазки перьев какаду.

Буня поморщилась. Гаврила был ценным союзником и очень серьёзным противником, так что обращаться с ним надо было уважительно и осторожно, как с новым наполнителем для кошачьих туалетов – одно непродуманное движение и эта штука разлетается по всему туалету. Буня этого терпеть не могла! Пришлось быстро соображать...

– Гаврила, это же люди... Они, когда влюбляются, теряют всяческое разумие! Ну, что с них взять? Вот ты помнишь, что твой первый хозяин влюбился, женился и тебя отдал? – это был удар ниже птичьего кия и Гаврила гневно сверкнул глазами на обидчицу, но Буня не позволила ему оскорбиться дальше. – Он же не стал спрашивать, что ты хочешь или не хочешь, верно? Люди, когда влюблены – не в себе!

Нори страшно хотелось добавить, что попугаев это тоже касается, потому что они все отлично помнили, как Гаврила в прошлом году узрел в окне ворону и решил, что это самая красивая птица из всех, которых он видел. Судя по всему, Буня это тоже помнила, поэтому она грозно сощурилась в сторону Нори.

– Я говорю ЛЮ-ДИ не в себе!

С этим бесспорным утверждением согласились все. Фок-

са, которая до сих пор помалкивала, не выдержала и протывкала:

– Это уж точно! Вы бы видели, что они на улицах творят... То лижутся на ходу, то лаются, то вдруг двери с мостом путают...

– С каким мостом? – удивился коллектив.

– Ну, у нас в парке мост есть через бааааальшую лужу, люди её почему-то называют озером. Так вот, эти самые, которые того... ну, влюблённые... Некоторые с ума сходят, и вешают такие замыкалки для дверей на заборчики у края моста. Наверное, думают, что это их дом, и что они забыли его запереть!

– Да ладно... – удивилась Нори. – Даже так...

Кошки переглянулись. – Потеря себя в пространстве! Это очень опасно! А ну как решат, что у них там, за заборчиком лежанка и миски...

– Ой и не говорите! Я сама всё опасалась, что они того... Нырякнутся туда, – вздохнула Фокса, – Присмотрелась, а они в воду звенящие открывалки от замыкалок бросают! Я их прямо боюсь уже!

– Ндаааа, всё даже хуже и ещё хуже! – кивнула Буня с видом умудрённого жизнью существа, которое обнаружило, что мир абсолютно сбрендил. – А если и Мила будет это делать с этим жмааааутом?

– Не-не! Этого надо не допустить! Так я не поняла, что сначала делаем? Ключём, царапаем или кусаем? –

вздыбилась Фокса. Она, будучи плодом любви фокстерьера и таксы, всегда была готова кого-нибудь укусить.

– Ни в коем случае! Я ж говорю, что Мила его будет жалеть, а там и до запиралок с замкалками в озере не далеко! Делаем всё наоборот! Мила должна жалеть нас!

– А кто нас должен обижать? – осторожно уточнила Рома. *– Я не люблю, когда нас обижают.*

– Потерпим. Ради Милы! – Буня терпеть и не собиралась. Разумному существу достаточно правильно организовать окружающих! *– Мы же Милу любим? А раз так, мы позволим жмааауту Борру нас немноооожечко обидеть!*

Гаврила было засомневался в логике этого утверждения, но решил понапрасну с кошками не спорить. Чего время-то терять? Пусть только этот самый жмаут Брис придёт! Тогда-то Гаврила сам разберётся кому кого тут обижать полагается!

Любимая живностью Мила и понятия не имела, что ради неё готовы на такие жертвы, равно как и то, что все её, точнее, бабушкины животные гораздо лучше, чем она сама, уловили главную слабость её любимого Бориса. Он действительно был чрезвычайно бережливым, скуповатым и даже экстремально экономным человеком. Более того, он перебрался на следующую ступень развития личного жмотничества.

Сердце Бориса истекало горькими слезами не только при необходимости потратить свои кровные деньги, но и когда он видел расточительство у других! Например, чашка кофе,

выпитая Милой, обращалась пеплом и золой в сознании Бориса. Это при учёте того, что Мила платила за неё сама!

– Мила! Зачем кофе? Это неразумно! – журил он девушку.

– Борь, я так пить хотела и замёрзла... – Мила не надеялась на то, что они зайдут в кафе и посидят там, хотя бы для того чтобы согреться. Но купить кофе, пока Борис отлучился в туалет, не сочла очень уж легкомысленным действием и ошиблась!

– Мила! Надо было термос взять! Ну, что ты как маленькая! – наставлял её умный Борис. – Тут сто рублей, там двести, воон там ещё триста, уже тысяча улетела! А где тысяча, там и десять, а где десять, там что?

– Там сто... – вздохнула Мила, которая эту присказку уже примерно столько раз и слышала.

– Правильно! Ну, когда же ты перестанешь быть такой... Да, кстати, а сколько метров квартира у твоей бабушки?

– Которая? – Мила не находила ничего странного в Борисных вопросах. Это же её любимый! Он такой... Такой замечательный!

– Все! – Бориса всегда очень интересовали всякие бытовые подробности. Про родителей Милы он уже всё выяснил и несколько приуныл. Отца Милы он видел мельком. Здоровенный суровый мужик! Такие не склонны слушать чужие умные мысли о том, что управлять фермами можно и поэкономнее, например, кормить коров и свиней поменьше, ну,

или корма покупать подешевле!

Да! Борис и в это вникал. Он вообще очень и очень внимательный и старательный молодой человек, рассудивший, что, женившись на единственной дочери преуспевающего фермера, он станет членом семьи и участником семейного бизнеса.

Конечно, лучше бы Милин отец занимался чем-то подходящее, но в последнее время фермерство стало популярным!

– Ладно, сойдёт и так! – решил Борис, осведомившись, сколько стоит литр фермерского молока и килограмм парной свинины. – Ничего так... Деньги-то гребут лопатой!

А тут ещё выяснилось, что имеется городская бабушка с квартирой, да не с одной! И что Мила живёт вовсе не в съёмной комнате, как поначалу считал Борис. В гости раньше он не напрашивался, опасаясь, что девушка предложит ему переехать и участвовать в оплате её комнаты. А тут, оказывается, целых две квар-ти-ры!

– Мила, а почему ты меня в гости не приглашала?

Мила замялась.

– Аaaa, бабушка дряхлая?

– Нет, почему ты так решил?

– Ну, она же бабушка...

– У меня очень молодая, красивая и бодрая бабуля! – улыбнулась Мила, не замечая, что её спутник приуныл.

– Аaaa, ну, тогда почему?

– У неё есть животные. И я не уверена, что они тебя хоро-

шо встретят... – понурилась Мила. Один Гаврила чего стоил! А Фокса! А кошки! Они могли свести с ума кого угодно!

– Живоотные... – протянул Борис. – Ой, глупышка! Да что мне животные! А я вот очень хотел бы познакомиться с твоей бабушкой! Да, я же тебе рассказывал, что меня тоже бабушка вырастила? Мать вышла замуж, а бабуля взяла меня к себе!

Мила уже много раз слышала эту историю. – Борь, если хочешь, то приходи, конечно! А ты меня со своей бабушкой познакомишь?

– Да, конечно... Потом... – Борис поразмыслил. – Через месяцок! А! Я тебе рассказывал, какую я роскошную сделку провернул?

Мила покачала головой и приготовилась слушать.

С Борисом она познакомилась около своей ветеринарной академии. Солидный плотный молодой человек сам подошёл к ней на остановке автобуса напротив главного корпуса академии. Она не очень обратила внимание на этого типа, но он подходил ежедневно, здоровался, делал комплимент, а потом признался, что высматривает её в окне офиса и бросается к остановке, чтобы хоть пару минут постоять рядом.

– Зовут меня Борис. Я понимаю, что на улице знакомиться не очень-то... Но стать собакой и прийти на ветеринарный осмотр у меня не получилось... – рассмеялся он.

Так и познакомились. С каждым днём Борис всё больше и больше нравился Миле, хотя, если бы её попросили объ-

яснить, чем именно, она бы растерялась. Ухаживал он своеобразно:

– Милочка, самые лучшие мгновения жизни – это единение с природой. В городах природы мало, но мы с вами урвём кусочек, да? – вопрошал он, умело разворачивая девушку к парку в Кузьминках и выгуливая там по аллеям.

Он всё больше и больше занимал мысли Милы и в конце концов ухитрился сделать так, чтобы она слушала его не возражая, вникала в любое его слово, впитывала его идеи...

Макс не очень понимал, что происходит, но его пребывание в квартире кузена становилось каким-то травмоопасным.

– Макс, с тобой всё в порядке? – Лена выскочила на очередной шум, обнаружив шурина на полу. – Ты чего? Опять кошки?

– Да я уж и не понял, кто именно... – Макс сидел, не делая никаких попыток подняться. – Неее, я лучше тут пока побуду. Я тебя здесь, – он обвёл рукой напольное пространство, – не смущаю?

– Не смущаешь, но как-то это непривычно, право же... – Лена вздохнула, приволокла с дивана подушку и вручила её Максу. – Хоть под спину подложи! Вот родственники какие пошли... Неприхотливые!

– И не говори! – Макс от души радовался тому, что у Ленки хорошее чувство юмора. – Я всё понять не могу и чего они против меня имеют? Главное, что обидно! Я ж летаю по

большей части через свою родную кошь! Мурьяна! Я тебе так надоел?

Мурьянка с разбегу метнулась к хозяину и припала к его груди, пряча мордочку за отворот рубахи.

– Не похоже... Я по-кошачьи не понимаю, конечно, но, по-моему, она тебя очень любит! – задумалась Лена.

– Ну, да! – согласился покладистый Макс, – От любви ро- няет. Чтоб, значит, к полу поближе был.

– В этом есть своя логика! Ты уже рухнул, дальше-то некуда, значит, не ударишься! Она тебя жалеет и очень переживает за твоё здоровье.

– Мурка, я тебя прошу. Не надо меня так жалеть! Я себе чего-нибудь так сломаю! – Макс осторожно ощупал позвоночник. – Странно, что за последние восемь, а! Нет! Уже девять падений я ещё целый. Причём, вот странно! Когда мне Полкан под ноги попадает, я падаю как-то полегче, а вот чем мельче причина падения, тем увесистее приземляюсь!

Тут он вспомнил о своём первом «полёте вниз» и пригорюнился. Рыжеволосую Милу он так и не нашёл, хотя упорно ходил и мёрз около того поворота.

Мурьяна сходу распознала тоскливое выражение на хозяйской физиономии и печально мяукнула, обращаясь к Симе:

– *И падение в коридоре не помогло. Что там осталось? Балкон?*

– *Балкон и ванная! Там он ещё не падал! Не опускай лапы!*

Надо действовать последовательно и старательно. Усердный кошачий труд на пользу хозяина – наше всё!

– Да не убить бы. Сейчас он даже как-то хрустнул... – Мурьяна озабоченно потыкала головой в хозяйское запястье. *– Может, больше не надо?*

– Надо, Мура! Надо! Лечение влюблённого сумасшествия людей с помощью котошока надо производить до полного выздоровления! – важно изрекла белая Сима, приняв чрезвычайно уверенный вид.

Глава 4. Чрезвычайно экономный гость со своим уставом

План по падениям Макс выполнил так лихо, что на последнем пункте – в ванной, едва собрал свой организм воедино. Правда, надо отдать должное животным, они тут уже были практически ни при чём.

Макс попросту выходил из ванной и случайно наступил на конец Мурьяниного хвоста. Его кошечка предпочитала в этом странном месте хозяина не оставлять. А ну как нырнёт? Короче, она считала своим долгом следить за хозяйским омовением, облегчённо выдыхая только когда он выходил из странной белой лохани.

Вот и сейчас она традиционно вздохнула, заодно удивляясь, зачем лезть под противную мокрую воду, когда можно отлично умыться языком? Удивлялась, удивлялась, да и ослабилась. Забыла одно из самых важных кошачьих правил: «Всегда следи за своим хвостом – наступят на него люди, а больно тебе!»

Макс, ощутив у себя под ногой нечто тонкое и меховое, попытался было убраться с этого предмета, поскользнулся, а в следующий момент осознал себя почему-то на полу ванной комнаты с Мурьяной на голове.

– Макс, ты там жив? – озабоченно поинтересовался Сер-

гей, услышав в ванной грохот такой силы, словно там с потолка упал средних размеров слон.

– Да как тебе сказать... Точно пока не знаю. Ощущения странные, вроде процентов восемьдесят организма не совсем целы. Но это не точно!

– Тебе помочь? – забеспокоился Сергей.

– Разве что добить, чтоб долго не мучился, – хмыкнул Макс, сняв с головы Мурьяну и пересадив её на стиральную машину.

– Даааа, что-то ты не сильно ошибся про восемьдесят процентов! – Сергей оценил держащегося за спину Макса.

– Что ты хочешь? Я учёный всё-таки! Молодой и перспективный! Проценты высчитывать умею, – прокрипел Макс.

Ночью ему казалось, что спина разломилась на шесть кусков и это так и останется. Утром было ненамного лучше, но на работу он отправился. И надо же было этому случиться, что именно в этот день он снова увидел Милу!

Зимнее солнце радует нечасто, но в этот день оно расщедрилось и в конце улицы, словно в ответ этой неожиданной радости полыхнула копна ярко-рыжих выющихся волос.

– Мила! – крикнул Макс, она оглянулась, недоуменно покрутила головой, но никого знакомого не обнаружив, легко побежала в сквер.

– Да что за проклятье такое! – шипел Макс, который ощущал себя столетним дедушкой, который держится за спину и

ковыляет себе со своим радикулитом... – Я ж её могу потом не найти!

Правда, дома ему немного полегчало от слов невестки.

– Макс, раз ты два раза её тут видел, значит, она или живёт рядом, или бывает постоянно! – утешала его Лена. – Это уже достижение!

– Да я же мог её догнать! – Макс с трудом нашёл положение, в котором спина казалась целой.

– Ползком? – хмуро уточнил Сергей. – Не пыли! Если она действительно для тебя – ты её встретишь!

– Ну, да, ну, да... Судьба и на печке найдёт? – хмыкнул Макс.

– Как-то так. Понимаешь, ты можешь сделать максимально возможное, а потом психовать, с ума сходить, что у тебя не получается, что цель не достигнута, а может, это просто не твоё время. Надо подождать... Бабуля у меня говаривала, что на всё своё время. Может, сейчас просто не твоё? Может, надо подождать?

– И как ты такой умный стал? – проворчал Макс. – Может, ты и прав...

Сергей хотел добавить, что может быть, это и девушка не та, которая брату нужна, но сдержался – Макс и так был расстроен.

Хотя, если бы он Милу догнал, то огорчился бы несоизмеримо больше.

– Боря! – Мила радостно протянула руки навстречу Бори-

су.

– Мила? Опять новые перчатки? – Борис укоризненно покачал головой. – Что же ты у меня такая... растратчица!

Мила вспыхнула ярче своих изумительных волос. Во-первых, слово «опять» было откровенно несправедливым. За перчатки Борис её ещё не ругал. Во-вторых, перчатки подарила бабушка, сказав, что они отлично подходят к её новой дублёнке. И в-третьих, слово «растратчица» было обидным. Словно ей доверили некую сумму на последний кусок хлеба, а она купила финтифлюшку.

– Эх, ты, Мила-Мила, достаточно иметь трикотажные перчаточки или варежки. Их и постирать можно, если что, – настаивал её Борис. – Ну, всё, всё не дуйся. Мы идём в гости к твоей бабушке?

Мила снова заулыбалась. Удивительно, как только павшая на окрестности мрачная и унылая тень моментально растворилась в воздухе, стоило Борису перестать её журить и поучать.

– Конечно! Она нас ждёт! Она у меня совершенно замечательная!

Борис довольно заулыбался. Он умел вызывать у бабушек доверие. Они приходили в восторг от его практичности, показной заботливости, вкрадчивой улыбки, от того, как внимательно он их слушал, интересовался их здоровьем. В конце концов, они тоже часть его риэлторской работы. Нет-нет! Никакими противозаконными вещами Борис никогда не за-

нимался, он был исключительно законопослушным риэлтором, но иной раз так пообщаешься, пообщаешься да и выгадаешь на добром отношении. Это-то не противозаконно!

– Ласковый телок двух мамок сосёт! – говаривала маленькому Боре его собственная бабушка, и он старательно запоминал.

Дом, до подъезда которого он провожал Милу, он проверил, как только выяснил, что тут живёт её бабушка.

– Хороший дом! – одобрил он, – Перекрытия отличные, стены толстые, кирпич! Квартиры тут дорогие!

Этаж тоже оказался подходящий – не первый, не последний.

Мила позвонила в дверь и заулыбалась:

– Бабушка, вот мой Боря! – от радости у Милы сияли глаза, даже волосы, кажется, засветились ярче.

– Проходите, проходите! – любезно повела рукой седовласая дама, прилично ошарашив Боречку.

– Ничего себе бабушка! Прямо, как вдовствующая императрица! И имечко подходящее – Елизавета Петровна. Хотя... Та, вроде, была не вдовствующая.

Его собственная бабушка вечно ходила в стареньком-престареньком байковом халатике и в растоптанных тапочках. Постоянно мёрзла, поэтому, куталась в древнюю кофту, обожала Боречку и норовила подсунуть внуку каждую копейку, которая у неё оставалась. Идея подарить бабушке хорошую тёплую одежду, мягкие тапочки с мехом, как у её соседки по

лестничной клетке и, хотя бы иногда, приносить ей что-то вкусное, Борю никогда не посещала.

Почему он счёл, что у Милы бабушка такая же, как у него самого, он не знал, но факт остаётся фактом – эта дама его обескуражила.

Справившись с невольным изумлением, он решил, что внешность может быть любой, это неважно! Он и эту бабку обаяет!

Усевшись за столом, накрытым к чаю, он начал рассказывать какие-то забавные случаи из жизни, не забывая нежно улыбаться Миле.

– Кажется, дело идёт на лад! – раздумывал он, похохатывая над анекдотом, который только что рассказал. – Вон, какая довольная!

– Какой болван! Девочка моя! Бедная моя девочка, как же ты попалась такому? – Елизавета улыбалась мягкой, приятной улыбкой, умело скрывая желание выкинуть этого типа на лестничную клетку и немного, совсем чуть-чуть пнуть с разбега, направив с лестницы!

Громкий, пронзительный и одновременно хриплый крик, словно кого-то душили, но жертва пока не собиралась прощаться с жизнью, раздался совсем рядом.

Боря от неожиданности облился чаем и заметно побледнел.

– Что это было?

– Ой, Боречка, это попугай, – заторопилась Мила.

– Каккккой ещё попугай? Ты что? Да разве могут птички так кричать? – Боря в попугаях был не силён и сразу представив такого маленького зелёненького волнистика, даже рассердился на Милу.

– Ой, Боря, Мила правду сказала, это действительно попугайчик. Сейчас я вам покажу! Я их закрыла, пока готовилась вас принять, но теперь, я думаю, самое время!

– Бабуль, может, не надо пока? – забеспокоилась Мила. Она-то отлично знала, на что способны бабушкины любимцы.

– Надо-надо... А то, как же Боречка с ними познакомится? Правда, Боречка?

– Ну, конечно! – вальяжно кивал Борис. Ему были вовсе не интересны всякие птички, зато очень интересовало, почему же его не провели по комнатам? Он знал, что частенько люди любят демонстрировать квартиры даже посторонним. А он-то уже почти член семьи!

Елизавета Петровна, мрачно ухмыляясь про себя, открыла комнату, и Борису на секунду показалось, что оттуда вырвался поток животных и огромный лебедь!

Размах крыльев и цвет оперения, конечно, могли сбить с толку неумелого орнитолога, но когда это безобразие долетело до стола и уселось на спинку свободного стула, Боря был вынужден признать, что Мила сказала правду, и это всё-таки попугай!

– Какой... Крупный! – Борис в последний момент сумел

сообразить, что не очень разумно вслух при хозяйке произносить все эпитеты, которыми он наделил попугая. – Наверное, дорогой?

– Да, наверное... Я его не покупала, – мило улыбалась Елизавета Петровна, надеясь, что у неё не сведёт скулы.

– Аaaa, подарочек! И кто ж это вам так? Небось, ест он много! Волнистые и то лопают и гадят, лопают и гадят! – Борис законно гордился умением поддержать разговор на любую тему. – А! У вас ещё собачка? Маленькая! Это хорошо! Вот у меня сосед на лестничной клетке, так он только и делает, что мешки корма таскает. У него лабрадор, кажется. Сколько он денег на это тратит, уму непостижимо!

– Ваших? – наивно изумилась Елизавета, и Мила опасно во неё покосилась.

– Неее, что вы, почему моих, я б и гроша не дал бы на этих бесполезных тварей! Своих, конечно!

Тут, словно по заказу вышли из-под стола все три кошки Елизаветы Петровны и элегантно расположились на небольшом диванчике.

– Ещё и кооошки... – протянул Боря. – А зачем они вам? Ну, я вот понимаю, когда они в деревне живут, там хоть польза – мышей ловят. А тут? Тут же их кормить ещё надо! Опять же деньги тратить!

Мила изумлённо посмотрела на Бориса. То, что и деревенских кошек кормить надо, похоже, для него было абсолютно неизвестно.

– Боренька, так ведь мышь, она же маленькая. Да и не едят они мышей целиком. А потом, где же их столько взять, чтобы каждый день прокормиться? – попыталась объяснить Мила.

– Мила, ну какая ты смешная! У тебя же отец в деревне?

– Да, и мама и бабушка...

– Ну, вот! Неужели же они кошек кормят?

– Конечно! Корма покупаем обязательно. А как же?

Борис застыл, изумлённо глядя на девушку, а потом, решив, что она шутит, рассмеялся.

– Ну, ты умница, так разыграла!

Мила покосилась на бабушку, а та незаметно покачала головой, мол, не стоит шокировать человека.

– Кошки непременно должны приносить пользу! И собаки тоже! Вот не понимаю таких псин! – он кивнул на недобро прищурившуюся Фоксу и ткнул в неё пальцем. Мила дёрнулась было спасать Бориса, но Фокса с превеликим трудом сдержалась, возможно, помогло то, что Елизавета Петровна отщипнула кусочек варёного языка и предложила собаке. Она прямо-таки видела, что Фокса выбирает место, куда бы поудобнее вцепиться в этого мерзкого типа.

– Вы что? Вы языком псину кормите? – ахнул Борис.

– Угощаю, – мягко поправила его Елизавета. – А что? Вы опасаетесь, что вам не хватит? – она уже пожалела, что не позволила Фоксе повиснуть на руке этого «женишка».

– А! Я понял! У вас же сын-фермер! Вы ж мясо не покупаете! А то я уж удивился, – осенило Бориса. Он с облегче-

нием покивал головой, правда совсем скоро снова застыл.

– Вы что? Грецкий орех птице даёте? – он прямо-таки глазам не верил, не обращая внимания на то, как изумлённо на него смотрит Мила.

– Это часть его рациона. А также, фрукты, зерносмесь, ещё несколько видов орехов, зелень, творог, – Елизавета перечисляла с неким злорадным удовольствием, глядя, как ползёт вниз челюсть её чрезвычайно экономного гостя.

– Да вы шутите? Зачем? Зачем его держать? И его, и этих! – он кивнул на кошек, одаривших его взглядом, полным глубочайшего презрения, – И псину это бесполезную!

Он собрался было прочесть безголовой Милиной бабуле лекцию о правильном обращении с финансами, но она пресекла все эти высказывания на вылете из Бориного ротового отверстия.

– Мне так нравится! Это моё хобби! – она выглядела вполне безмятежно, но Боря не решился ей возражать, сделав вывод, что теперь-то он понимает, в кого Мила столь беспечна в отношении финансов. Ещё он решил, что в ближайшее время нужно провести с невестой профилактическую беседу о том, что он не потерпит столь безумных трат. А ещё надо внушить этой самой бабуле, что это её хобби расточительно и недопустимо!

После чая и Бориного монолога о его успешности в жизни, правда, довольно короткого, потому что поганая птица постоянно орала и не давала ему говорить, он распрощался.

– Милочка, проводи Борю, заодно и прогуляешься перед сном. Нет-нет, Фоксу брать не надо, сходите, развейтесь! – Елизавета закрыла за удивлённой внучкой дверь и недобро прищурилась. – Ну, давай, давай! Ты же сейчас на эмоциях. Выкладывай ей всё о старухе с деменцией, которая уже не понимает, что почём, о том, что их всех надо повыкидывать или «пристроить в деревню» ибо им там лучше! Давай! Ты ещё не успел подумать о том, что можно пока ничего не говорить, сдержаться, а потом извести их тихонько, словно случайно. Выжить всех, кто тебе будет мешать, а потом полностью подмять Милу. Я уверена, что ты не сможешь смолчать! Она была железно уверена в Боре, и он не подвёл!

Глава 5. Производство розовых очков в промышленных количествах

Борис был доволен. Он оценил недвижимость, правда, жаль, что не всю площадь. Мила же говорила, что квартиры две, а он видел только часть одной. Ну, ничего-ничего! Это просто начало. Бабуле он явно понравился – улыбалась, Милу с ним отправила. Вот и надо ковать железо, пока горячо.

Боря был человеком действия – решил, значит, сделал! Он благожелательно покосился на девушку.

– Теперь я понимаю...

– Что именно?

– У тебя бабушкино отношение к финансам! Она очень беспечна. Ну, надо же! Держать этих бесполезных тварей.

– Почему бесполезных?

– Мила! Животное должно приносить пользу. Вот у твоего отца фермы! Он же не держит бесполезных!

Мила открыла рот, чтобы рассказать о собаках и кошках. О старушке-корове – одной из первых папиных коров, которая так и живёт «на пенсии» в отдельном стойле и к ней подпускают слабых тёлочек на откорм и заботу. Про свинью Изольду, которая проживает у них дома. Да-да, прямо дома! Она отлично знает, где надо делать свои дела и просится на

прогулку вместе с собаками. Да много кто у них живёт из «бесполезных». От них не получить молоко, мясо или яйца.

Понятное дело, что ферма – это то, что должно приносить прибыль, но её отец никогда не жалел, когда к ним прибивалась очередная зверушка, хотя его коллеги-фермеры и считали это чистой блажью.

– Разоришься, Дмитрий Викторыч, ой, разоришься! – предрекали ему регулярно. – Столько дармоедов кормить... А это... последнее чудачество? Ну, хотел ты дочке лошадку, можно ж было нормальную взять, ещё и жеребёнок продавать, так нет! Приехал с какой-то болящей.

Да, что бы сказал Боря про Милину гордость? Про её лошадь? Она отлично помнила, как увязалась с отцом в поездку за породистыми козами, а вернулись они с козами и умирающим от недоедания, запаршивевшим годовалым жеребёнком с параличом мышц головы.

Ну, не могла Мила позволить, чтобы её отправили на мясокомбинат! Как услышала, вцепилась в отца:

– Папочка, мне ничего не надо! Ни ноута, ни мобильного, ни поездки на море! Ничего! Там жеребёнок! Паааапааа, она там погибнет!

Выкупили, откормили, вылечили. И паралич постепенно прошёл, правда, Мила с замиранием смотрела за специалистом по иглоукалыванию – акупунктуре, которая восстанавливала работу нервных окончаний на конской морде. Она и сама сейчас учится этой технике.

Да, Астра никаких денег не приносит, содержание своё не окупает. Наверно, Боря сказал бы, что её надо сдавать на покатушки, но Миле даже думать об этом дико! Астра и так намучалась!

А её отец почему-то не разорился и не разорился. Вот некоторым из «доброхотов-советчиков» пришлось сменить занятия, а Дмитрий Викторович открыл линию по переработке овощей и фруктов, небольшой цех по производству молочных консервов, сырный заводик... А сам всё смеялся:

– Говорят же: «Блажен, кто твари милует», вот мы такие и есть! Может, из-за них и нас милуют! – он кивал на трёхлапого пса Ринга или козла Блинчика, который выбрал себе местом жительства стойло Астры и развлекал её своим неунывающим нравом. – Пусть чего-то лишнего меньше будет, зато они живы, жизни радуются и нас радуют!

– Мила! Ты меня слушаешь? – Боря поправил прядку её волос и коснулся щеки.

– Ой, прости, я задумалась! – Мила всё поняла! Её самый-самый замечательный Боря просто не понял! Ну, не сталкивался он близко с животными, не держал никого. Всё просто. Ему надо объяснить, и он обязательно поймёт! – Извини меня, пожалуйста! Что ты говорил?

– Милочка, ты наивная, молоденькая! Но ты же разумная девушка, должна понимать! Надо жить по средствам! Вот это всё, – он кивнул головой в сторону дома Милиной бабушки, – оно лишнее. Блажь!

– Прости, но бабушку-то уж наивной никак не назвать! – Мила отлично знала, что бабуля её работала очень и очень много! Уж она-то точно знала, что и сколько стоит! Только в её доме всегда были и собаки, и кошки. – Она ж не молоденькая девочка.

– Вот именно! У твоей бабушки... Ну, как бы это...

– Что? – Мила доверчиво смотрела на Бориса.

– Мила, у неё явные признаки деменции! Она уже не соображает, что почём! – Борис с умеренной скорбью покивал головой.

– Боря, да что ты такое говоришь? Бабуля без калькулятора три валюты одну в другую переводит. В уме! Она иной раз быстрее соображает, чем я.

Борис ласково потрепал Милу за щёчку и продолжил:

– Это очень славно, что ты её любишь и защищаешь! Но надо же смотреть правде в глаза! За ней присматривать надо и подвести к тому, что от бесполезного надо избавляться!

– Прости, от чего бесполезного? – Мила и так рассердилась из-за тех глупостей, что он про её бабулю говорил, а он ещё и продолжает!

– Милочка, но ведь кошки эти... Им же лучше в деревне жить! И псина эта дурацкая! Нет бы породистую завести, от неё хоть щенков можно было бы продать. Я уж про попугая не говорю! Хотя, его как раз можно продать, а то грецкими орехами кормить какую-то птицу!

– Боря! Я не понимаю! Почему ты так рассуждаешь про

продажу Гаврилы, словно он за твои деньги ест эти несчастные орехи?! – Мила даже руку выдернула из ладони Бориса.

– Маленькая моя девочка, – Боря понял, что немного перестарался и ловко перестроился. – Я же просто машинально посчитал, во сколько твоей бабушке обходится содержание такого стада! Ты подумай, а сколько бы она могла позволить себе за эти деньги!

– Всё, что она хочет себе позволить, мой отец может ей оплатить! – сверкнула глазами Мила. – И оплачивает, когда удаётся выяснить, что именно она хочет!

Что Борис уважал, так вот это «может себе позволить»! Он тут же подбавил елея в интонации, разулыбался, решив чуть отступить. В конце концов, дорогу осилит идущий, а он никуда не торопится. Не получилось сегодня, получится завтра – вода камень точит!

– Золотко, я тебя расстроил? Прости, прости! Ну, не сердись. Мне это непривычно всё, – он восхищённо посмотрел на девушку. – Ты у меня такая умница, такая красавица!

Мила и правда выглядела красивой. Пока они были в гостях, наступил вечер. Свет от фонарей в парке играл на рыжих прядях, сверкали зелёные глаза.

– Боря! Я тебя очень прошу, постарайся понять, для меня это очень важно! Я всю жизнь с животными и не могу без них!

– Милая, да ты не волнуйся, мы потом всё обсудим, да? – Борис не смог бы работать в своей области, если бы совсем

уж не улавливал опасные моменты. – Я тебя люблю, смешная моя девочка!

Мила неохотно ответила на его улыбку, а он, приобняв её за плечи, начал рассказывать о том, как у них всё будет хорошо, как всё наладится. Бархатный, ласковый голос человека, в которого Мила была влюблена, развеивал все её тревоги.

– Ну, конечно! Это просто ерунда. Это притирка и так бывает. Ничего... Он самый лучший и он меня любит! Он всё поймёт. Обязательно поймёт, а если и нет, то позволит мне иметь то, что мне так нужно. Я же не претендую на что-то ах какое! Я сама уже зарабатываю. Боря... он такой, такой замечательный!

Сердце таяло на морозе, розовые очки на глазах покрывались дополнительными плотными слоями сладкой глазури, и через них снисходительно поглядывающий на неё Борис выглядел великодушным, любящим, прекрасным! Самым-самым прекрасным мужчиной на земле!

– Бабуленька, правда, он хороший? – Мила закружилась в прихожей.

Живность переглянулась недоуменно.

– Кто? Где? – твякнула Фокса. – Это о ком она?

Если бы Елизавета Петровна была более простодушным человеком, то она бы не сдержалась, и слова, рвущиеся с языка, сильно расстроили бы Милу. Но женщина подобного склада характера, прожившая определённое количество лет, умеет играть с любых позиций и любыми фигурами.

– Очень! Просто замечательно хороший юноша, – Елизавета Петровна подмигнула Миле. – Теперь, ты может, поужи-наешь? А то клевала, как птичка!

– Да, при Боре как-то неловко! – призналась Мила.

– Ещё бы... – подумала её бабушка, – Он же калькулирует каждый кусок!

– Наверное, я просто не привыкла ещё к нему, – Мила обняла Елизавету Петровну. – Как я рада, что ты не ругаешься!

– Да почему я должна ругаться, смешной ты мой ребё-нок? – Елизавета Петровна хитро подмигнула Буне, приняв-шей заговорщицки-понимающий вид.

– Мне показалось, что он тебе не понравился. Понимаешь, у него просто никогда не было животных. Он не понимает, что для нас это нужно! Необходимо!

– Жаль, что тебе придётся привыкать жить без них... – Елизавета Петровна щедро накладывала в тарелку внучки её любимые лакомства.

– Почему без них? Ты что? Неее, я его переубежу. То есть переубеждо! – Мила рассмеялась, моментально напом-нив Елизавете Петровне себя в возрасте четырёх лет. То-гда она приволокла с улицы сбитого машиной голубя и шла убеждать родителей его оставить. Кстати, убедила. Но го-лубь, ко всеобщей радости, через пару дней пришёл в себя, а ещё через неделю, полностью избавившись от последствий сотрясения мозга, улетел.

– Ну и хорошо... Тортик будешь? – Елизавета понимала,

что переубедить Бориса можно только с помощью пересадки головы, но даже если бы это было возможно, этот гибрид вряд ли стоит Борисом считать. То есть, его переубеждение – дело заведомо безнадёжное! Но даже у нормального человека иногда включается режим: «Умный в гору не пойдёт, умный гору прокопает», что уж говорить о человеке, влюблённом первой «всерьёзной» влюблённостью.

– А у нас есть тортик? – удивилась Мила.

– Конечно. Твой любимый. Птичье молоко. Я купила на случай, если Боречка не сочтёт нужным что-то принести к чаю, но потом подумала, что это может его шокировать. Ты же знаешь, у нас Фокса с ума сходит даже от его запаха.

– Да уж... Зрелище собаки, которая ест тортик, пусть даже чуть-чуть, Боре пока не по плечу!

Мила была убеждена в том, что она справится и Боря скоро сможет выдержать и такое! А пока просто наслаждалась болтовнёй с бабулей, бутербродами и чаем с тортиком. Она и не заметила, что ей значительно приятнее, спокойнее и легче, когда Бори рядом нет.

Настя, которая на следующий день встретила подружку на прогулке, выслушала её воодушевлённые планы по переубедению Бори и погрустнела. Её молодой человек тоже без особого восторга относился к собакам.

– Интересно, а бывает по-другому? – Настя невольно проводила взглядом бегущего трусцой мужчину, которого сопровождал brutального вида ротвейлер. – Ну, вот же! Живое

доказательство трусит. И вон, и воооон там, а там и вовсе целая компания. Ничего... Виктор тоже сможет меня понять.

Некоторое время всё было замечательно и безоблачно. Мила расцветала, даже просто вспоминая о своём Боре, а сам Борис в свободное время репетировал проникновенные речи о недопустимости разматывания бюджета на пустое и занимался делами семейными. Все проникновенные рассказы Милы о животных он пропускал мимо ушей, ласково улыбаясь чудачке, которая пытается убедить его в таких глупостях! Ему было чем заняться. Сейчас он закончит важное дело, а потом объяснит ей, как они будут жить!

Его мать давно вышла замуж второй раз, переехала к мужу и в жизни сына почти не участвовала, зато бабушка...

– Я так ей благодарен! Она меня вырастила, – проникновенно рассказывал Боря Миле, замирающей от жалости и сочувствия к любимому человеку. – Понимаешь, мать всё время работала и работала, а я после школы шёл к бабуле, и она меня кормила, поила, ухаживала за мной, когда я болел...

– Какая хорошая!

– Да, очень! – важно кивал Боря. – Я вас обязательно познакомлю!

Вот Мила и ждала, когда же её представят Бориной бабушке. Напрашиваться было неловко, тем более что он обещал...

И вот... Наконец-то Борис сказал, что скоро она может познакомиться с его бабушкой.

– Боря, а что купить к чаю? – Мила очень волновалась, что может не угодить. Ну, у всех же разные вкусы. Кто-то любит медовик, а кто-то птичье молоко. Кому-то по душе пряники, а кому-то ванильные сухари. Кто-то млеет от конфет, а для кого-то лучшее угощение – сыр.

– Ничего не нужно! Зачем деньги тратить? – удивился Боря. – У неё всё есть!

– Но как же... – Мила удивилась, хотела было поспорить, но осеклась. Мало ли, а вдруг она придёт с покупным угощением, а там бабушка – мастерица уже что-то испекла. Обидится чего доброго! Да и потом! Боря же к её бабуле на чай пришёл с пустыми руками, видимо, так принято в их семье. Она помялась, но всё-таки не удержалась и спросила:

– А может быть, ей какой-то гостинец привезти? Ну, лично... Виноград или сыр?

– Мила, не надо выдумывать! – Борис нахмурился. Виноград зимой стоит дорого, а сыр и того больше. – Тем более, что она через пару дней уезжает.

– В санаторий или погостить? – Мила улыбнулась. Ну, хорошо, что спросила! Вот хороша была бы, если б привезла скоропортящиеся продукты, а бабушке ехать!

– Нет, в какой санаторий, в дом престарелых! – Боря увидел изумлённые Миленыны глаза и доброжелательно объяснил. – Она одна уже жить не может. В прошлом месяце полезла на табуретку, что-то ей в шкафу потребовалось, упала оттуда, ударилась. Вот, пришлось искать, куда её пристро-

ить. Как раз она уедет, а я свою и её квартиры продам, куплю побольше, можно будет и о дате свадьбы подумать.

Он подумал не только о дате свадьбы, но и о том, что сделку по продаже имеющихся квартир – его и той, которую бабуля ему подарила, надо проверить до свадьбы. Всем известно, что добрачная недвижимость никак не делится!

– Погоди... Но разве нельзя нанять кого-то, чтобы с ней жили? Да и мы сами можем. Зачем её в дом престарелых? – Мила только глазами хлопала.

– Погоди... Но разве нельзя нанять кого-то, чтобы с ней жили? Да и мы сами можем. Зачем её в дом престарелых? – Мила только глазами хлопала.

– Милочка, да ей же там лучше будет! Ну, подумай сама, у нас семья, мы молодожены будем... Ну, ты же понимаешь? Зачем нам посторонние в квартире? А ей-то как неловко будет! А дети пойдут? Шум, гам, топот! Да ты не переживай, я подобрал прекрасный пансионат в Подмоскowie. Вокруг сосновый лес, там общество – люди её возраста... За бабулину пенсию там будут отлично за ней ухаживать!

– За пенсию? – Мила изумлённо смотрела на Бориса. Правда, что-то мешало его разглядеть. Словно пелена на глазах. Она потеряла их как маленькая и даже удивилась, сообщив, что это слёзы.

– Моя золотая, ну, что ты так испугалась? Я что, по-твоему, монстр какой-то? Давай так, я тебя к бабушке отведу, и она тебе сама подтвердит, что хочет в пансионат!

Мила растерялась, торопливо отговорилась делами, мол, пока точно не знает, когда у неё получится, шла, машинально слушая рассказ Бориса и напряжённо думала. Что-то не сходилось в мире, где Боря стал центром её жизни. А он всё рассказывал, как это неразумно и эгоистично – заставлять пожилых людей жить с молодыми...

Она и домой пришла потерянная, со щедро навешанной на уши лапшой.

– Ба, а вот если я замуж выйду, и мы будем жить с тобой, ну, ты говорила, что эту квартиру бережёшь к моей свадьбе, тебе трудно будет? – наконец, не выдержала Мила.

– Что именно мне должно быть трудно? – Елизавета Петровна отчётливо понимала, что ей будет не трудно, а невыносимо! Просто невыносимо сложно не прибить этот ходячий калькулятор, по какому-то недоразумению всунутый в человеческое тело. – Главная проблема – труп! – прошипела она. – Так-то фигня вопрос!

– Что? – Мила не поняла, что говорит бабуля, зато отлично поняли и одобрили кошки.

– Говорю, что здесь сложного? Это же не тяжкий труд... – выкрутилась Елизавета, переглянувшись с Гаврилой, зловеще заскрежетавшим клювом. – А что?

– Да вот понимаешь... Может, я чего-то не поняла? – она рассказывала о Бориной бабушке и опять начала шмыгать носом. – Ну, как же так можно? Если бы она была больна, ну, так, что человек не может один находиться, можно же нанять

сиделку – Боря хорошо зарабатывает. Да и мы сами могли бы с ней жить, а он говорит, что ей будет с нами трудно...

– А может, ты его приведёшь к нам? Я с ним поговорю? Я же тоже немолода, но мне только в радость будет! – Елизавета прямо учуяла, что сейчас момент самый что ни на есть подходящий для разговора с «милым Борей».

– Ой, как хорошо ты придумала! Конечно! Может, у них просто не принято по душам разговаривать, – Мила преувеличенно радостно заулыбалась, скрывая растерянность и тревогу.

Ночью она долго не могла уснуть, ворочалась с боку на бок, вздыхала, ходила пить воду, потом и вовсе уселась на кухне и тоскливо смотрела на подтаявшие сугробы за окном.

Боря охотно согласился прийти на чай.

Отлично накрытый стол его и обрадовал – вкусно поесть он любил, и расстроил одновременно.

– Сколько же денег вы тратите на продукты! – с лёгкой укоризной он покачал головой. Надо было прекращать эти безумные траты и демонстрацию их Миле. Нечего таким глупостям учить!

– А что? – безмятежно уточнила Елизавета Петровна.

– Ну, это неразумно, так вести хозяйство!

– А как же разумно? – Елизавета Петровна изобразила такой живой интерес, что Мила прямо-таки увидела разговор как тропку с выкопанной ямой-ловушкой, умело притрушенной снежком. Открыла было рот, чтобы сменить тему, а

потом вспомнила свою неуверенность, ощущение того, что оказалась в каком-то липком и вязком болоте, да и закрыла его.

Борис расцвёл. Он обожал наставлять окружающих на путь истинный!

– Расходы надо строго планировать! – начал он. – Ничего лишнего!

По Бориным инструкциям выходило, что жить надо, питаясь подсушенным хлебом, с необходимыми организму добавками типа дешёвых овощей, дешёвых круп, самого дешёвого мяса – изредка, для восполнения необходимого животного белка.

– Боренька, милый, да как же вы на такой диете-то выживаете? – восхитилась Елизавета. – Вид у вас прямо-таки цветущий!

– Ну, я – мужчина. Это другое дело! – объяснил Борис, процитировав собственную бабулю. – А ещё, нужно избавиться от денегозатратных хобби. – Вот, например, от них! – он кивнул на кошек. – Вы же сами понимаете, что на пенсию вы их содержать не сможете, значит, вас и этих, – ещё один кивок, – Содержит ваш сын и его семья, Мила в том числе. Ресурсы-то уходят. А их надо экономить! Я уже Миле говорил, что от этого всего надо избавляться! – он обвёл рукой лежащих на диванчике кошек и оскалившуюся Фоксу. Гаврилы почему-то не было... – Мила, ты что? Я ж тебе говорил, что в деревне им всем лучше! А эту птицу можно продать.

Мила только пискнула. Она-то надеялась, что Боря её услышал. Что все те забавные рассказы про её животных не пролетели мимо его ушей. Что его слова о том, что она для него важна, что она для него всё – это не пустой звук!

– Зачем? – Елизавета Петровна хладнокровно прищурилась, наблюдая, как за спиной гостя мелькнули белые крылья, а кошки одна за другой покидают уютный диванчик. Рядом осталась только Фокса.

– Ну, как же! Ресурсы нужны молодым! – Борис не видел лица Милы, и это было к лучшему.

– А вам они зачем? Что молодые с этими самыми ресурсами делать будут?

– Жить, конечно! – снисходительно рассмеялся Борис.

– Вы, может быть, удивитесь, но жить хочется в любом возрасте. Впрочем, у вас это откровение ещё впереди. Пройдёт не так уж много лет... Примерно сорок-сорок пять, а, может и раньше, и вам скажут то же самое! Поверьте мне! Да-да. Тогда уже вы станете пожилым мужчиной, но вам по-прежнему будет хотеться вкусной еды, удобной одежды, тепла, собственного дома, заботы.

– Аааа, вам Мила про мою бабулю рассказала? – Боря строго покосился на Милу, которая уставилась в окно и, как назло, на него не смотрела. – Она сама так хочет! Ей в пансионате будет удобнее!

– Что вы говорите? Простите, но видимо, так же как моим кошкам и собаке в деревне?

– Что вы из меня злодея-то делаете? Бабуля вам сама подтвердит! – возмутился Борис, шкуркой ощущая, как атмосфера заметно похолодала...

– Аааа, я понял! Я вам не нравлюсь, потому что вас крикую, и вы пытаетесь Милу против меня настроить! – догадался он. – Я сразу понял, что у вас это... возрастные изменения психики! Деменция подкралась незаметно, да?

– И это вы тоже услышите от вашего внука! – Елизавета выглядела странно. Она не злилась, не сердилась, не кричала. Скорее, выглядела опечаленной. – Мне вас жаль, но вы сами сейчас выбираете, как вам жить. Отправите бабушку в дом престарелых – окажетесь там сами. Откажете ей в лишнем куске, не позаботитесь – с вами будет тоже самое. Только не сейчас, а когда вы будете стары и слабы. Уязвимы до нельзя. Когда вам будет до слёз хотеться, чтобы вас кто-то обнял, сказал, что вас любит, что вы нужны! Помолчите, молодой человек! Вы жаждете захватить как можно больше, как вы выражаетесь, ресурсов, но упускаете самый главный из всех существующих ресурсов на земле!

– Какой же это? – процедил Борис.

– Не скажу! Сами думайте! А теперь, прошу вас покинуть мой дом.

– Мила! Я тебе говорил! Она больна! Мила! Ты меня слышишь? Мила я тебя люблю, но я требую, чтобы ты...

– Борь, иди, пожалуйста... – Мила плакала, даже не вытирая слёзы.

– Мила, я требую, чтобы ты немедленно пошла со мной! – Борис понимал, что сейчас эта бабка убедит её в том, что их отношения надо разорвать. – А вы? Вы что, не понимаете, что вы рушите её судьбу? Её счастье? – он гневно вскочил, навис над безмятежной Елизаветой, воздел руку для пущей выразительности рвущихся из груди слов и взвыл – на руке обнаружилась Фокса, взвившаяся с пола в совершенно неожиданном для её комплекции прыжке. – Ааааа! Она меня укууусииилааа!

– Фокса, плюнь! Плюнь, а то экономизьмом заразишься! – хладнокровно скомандовала Елизавета.

Псина мрачно покосилась на вопящего, прикинула опасность заразы и разжала зубы.

– Я... Я на вас в суд подам! Вы на меня собаку натравили! Их вообще всех усыплять надо!

– Боря... – Мила отчётливо слышала, как трещат, позвякивают и падают вниз её иллюзии. Вот упала и вдребезги разбилась иллюзия его любви к ней, за ней звякнули под ногой Бориса осколки уверенности в том, что он хороший человек, хороший, просто чего-то непонимающий.

– Что Боря? Что ты сидишь? Почему ты позволяешь выжившей из ума старухе тянуть деньги на всякий биомусор с твоего отца? Ты что, думаешь, что он, фермер, это одобрил бы? – рявкнул Борис, отступая, косясь на ощерившуюся Фоксу. – Пшла! Не подходи!

– Мой отец назвал бы так тебя! – Мила вовсе не была раз-

мазнёй. Встала, решительно развернула плечи, – Уходи!

– Да тыыыыы! Ты ещё пожалеешь! – он хотел было ещё что-то сказать, но Гаврила любил всё делать планомерно. Один дело завершил, можно и следующему приступить. – Аааааай, что этооооо?

– Жаль, что скальпы коллекционировать нынче не в моде... – Елизавета хмыкнула в сторону вопящей пары. – Гаврюша, выпусти ты его, ему уже ничего не поможет! Разве что жизнь поучит...

Глава 6. Очень чёрный день чрезвычайно экономного человека

Гаврюша был против! Чего это ещё «выпусти»? Делать ему нечего, да? Он только-только поймал этого типа и жаждет перья ему повидергать!

– У него нет перьев! – гавкнула Фокса, разобравшая пронзительные Гаврилины вопли. – У него шерсть между ушей!

– *Vom! Vom!* – торжествующе завопил Гаврила. – *Значит, её и выскубаю!*

– Ууууубериииитееее! – Боря попытался было скинуть с головы то, что напало, орало и очень больно дёргало его волосы. Тут ему, конечно, повезло, потому что Гаврила цапнул его не за палец, а за запястье через рукав рубашки и пиджака. Прокусил ткань запросто, но кожу только защебил. Правда, применил приёмчик под названием «Подвыверт зверский», который очень любят все домашние попугаи, начиная от небольших волнистиков.

Борис к себе относился с уважением, нежностью и заботой. Он себя холил и лелеял. За кожей тоже ухаживал трепетно. Увлажнял, питал кремом и заботился о правильном кровообращении организма регулярно захаживая на массаж. Однажды попал на какого-то особо дорогого массажиста, которого ему посоветовал приятель.

– Сходи, не пожалеешь! У меня спину прихватило, я пошёл, точнее пополз, а вышел уже нормальным человеком! Правда, довольно болезненно! Ощущения, словно тебя выкрутили, потом вкрутили, потом разобрали и сделали то же самое со всеми частями тела по отдельности. Зато, потом как новенький!

Борису тоже хотелось быть «как новенькому», поэтому он пошёл к жилистому, мрачноватому массажисту, который, не слушая его подвываний и не обращая внимания на попытку уползти с кушетки, проделал всё, как и описывал приятель – выкручивал не то, что руки и ноги, но, кажется, каждый сантиметр кожи!

Вот именно те самые незабываемые ощущения и припомнились Боречке, когда его за запястье укусил какаду Гаврила.

– Гаврюша, ФУ! Плюнь, а то козлёночком станешь! – Елизавета Петровна, при необходимости могла бы командовать танковым батальоном без рации, причём в танках всё было бы замечательно и внятно слышно!

Гаврила покосился на хозяйку.

– Ну, фалко фе! Я ф его только пофмал! Добыыыфффа! – проскрежетал он почти неслышно, так как Борис вопил что-то вроде:

– Ууууубрааааиииитееее! Симииитееее!

– Надо же, какой талант пропадает! – впечатлилась Елизавета. – А ведь его и не сильно клюнули... Ладно, Гаврила НЕЛЬЗЯЯЯ!

Когда тебе командуют ТАК, право слово, проще послушаться. Гаврила с превеликим сожалением разжал клюв, но не удержался, нырнул под взмахнувшей Бориной рукой, припал к его шевелюре и выдрал клоч «шерсти». Правда, как птица честная, щедро удобрил то место – ну, чтобы выросло быстрее.

Боря пока осознал только то, что ему больно, обидно и его тут оскорбили и вообще угрожают целостности организма, рванул в прихожую, отмахиваясь от пикирующего какаду.

– Пряма как стрижа! Нет, как сокол! Белый сокол – это, вроде, кричат. О! Ну, Гаврила, я тебя так и буду теперь звать – кричат! – фыркнула Елизавета, наблюдая за торопливыми метаниями гостя, сующего ноги в сапоги и хватающего в охапку дорожную дублёнку.

– Забавно... Мне казалось, что у него дублёночка-то тёмно-серая была. А теперь какая-то бело-крапчатая, – пробормотала Елизавета себе под нос. – Хотя, он же вообще против дублёнок! Пуховичок-то практичнее! Так что, может это его дублёночка от расстройства того...

Рывок Бориса, нырнувшего в верхнюю одежду, донёс до Елизаветы некий запах...

– Ооооо какое знакомое амбре! А я-то ещё удивилась, чего это у нас кошки все из кухни смылись! Труженицы мои! Умницы и красавицы.

– Что это? – Борис, хоть и спешил, хоть и отбивался от «кричата» Гаврилы, всё-таки унюхал странный запах, а

также обратил внимание и на неприятные ощущения в сапогах. Правда, повышенную влажность в обуви он машинально списал на то, что ступил в подтаявший снег и сапоги промокли, но вот некую странную влажность внутри самой дублёнки, а также резкий запах, он никак объяснить не мог. Нет, он бы, конечно, начал выяснять, скандалить, требовать компенсации, но Гаврила стал пикировать уже просто неприлично быстро для какаду, и Борис счёл за благо убраться, пока его драгоценную личность не покалечили.

На пороге он обернулся, хотел сказать что-то оскорбительное, но Фокса, расстроенная тем, что её личный вклад в победу как-то маловат, разбежалась и с размаху влетела ему головой под колени. Пытаясь удержать равновесие, Борис, практически вприсядку выскочил из квартиры, едва не врезался лбом в ручку двери напротив, а выпрямляясь, услышал за спиной стук закрывшейся двери и щелчки замка.

– Старая кошелка! – шипел Борис, пытаясь отдышаться и понять, а всё ли он взял.

Его хозяйственно-скопидомная натура, видимо, сработала автоматически и он машинально прихватил шарф и сумку.

– Мила! Ну, ты и... – он долго и с наслаждением высказывал своё мнение о ненормальной, которая предпочла ему полоумную бабку и кучу тварей, годных только на дешёвые воротники!

Навязчивый резкий и неприятный запах вновь напомнил

о себе. Только уже понастойчивее. Ещё настойчивее он стал, когда Борис вышел из подъезда.

– Вот! Вот они! Проклятые кошки и кошатники! Вонючие твари! Стоило просто зайти и весь пррропах! – он пытался успокоиться, прийти в себя после такого поражения. Утешиться тем, что они просто ненормальные. Почему-то абсолютное отсутствие какого-либо запаха в квартире его совершенно не смутило.

– Мужчина! Осторожнее! Вы же меня испачкаете! – сердитый голос заставил его обернуться.

– Чего вам надо?

– Если вы только что вылезли из курятника, так хоть почистились бы! – дама в норковой шубке высокомерно вздёрнула нос и проплыла мимо, демонстративно отряхивая рукав.

Он только в этот момент и осознал – что-то не так. Покопался на дублёнчатых плечах, воротник и едва не взвыл!

– Проклятая птица! Мерзкие кошки! Бабка! Мииииила!

В Москве кого только не встретишь, так что мужчина, что-то гневно вопящий, резко благоухающий великой кошачьей местью, осыпанный «пудрой» от крыльев какаду и богато украшенный потёками удобрения от него же, вызвал у прохожих только стремление обойти его подальше.

– Мало ли... Кусаться ещё начнёт...

Выражение «вишенка на торте» Борису никак не подходило, потому что рассерженная и креативно мыслящая живность постаралась на славу и устроила негодному типу целый

вишнёвый торт.

Выражение «вишенка на торте» Борису никак не подходило, потому что рассерженная и креативно мыслящая живность постаралась на славу и устроила негодному типу целый вишнёвый торт.

– Сапогииии, – выл Борис, снимая левый сапог. – Сапог испоорчен! И носоок! Ааааа, и правый тоже!

Обувь чистке не подлежала... про носки и говорить нечего.

– Дублёёёёнкааааа! Ну, сверху, можно оттереть, но запах! Откуда? Рукаааавааааа?! Да как можно было в рукава-то? А какая была дублёнка!!!

Небольшим и недолгим утешением стала шапка. Почему-то кошки её пожалели и не пометили. Зато её пометил сам Борис, когда надел на удобренную Гаврилой голову.

В ванной, подвывая, шипя от омерзения и ярости, Борис выложил весь запас ругательств, которые знал. Особенно он страдал из-за того, что отчётливо понимал – в полицию с этим просто так не пойдёшь!

– И ведь как тут изложить дело и потребовать компенсации? Если бы порвали, можно было бы так и сказать, предъявить.

Он так и представил веселье сотрудников отдела полиции...

Боря разрывался между стремлением покарать негодяек, так над ним посмеявшихся, заставить их платить за ис-

порченные вещи, за нанесённый моральный да физический ущерб и опасением попасть в дурацкое положение.

– Но деньги? Я ж только купил дублёнку! А сапоги! Отличные итальянские сапоги за пятнадцать тысяч рублей! А шапка... Ну, ладно, положим, подкладочку я замою... Неее, так оставлять нельзя! А! Знаю! Если заявление будет написано заранее и юридически-специальными выражениями, то его и примут нормально, и я деньги получу!

Его гениальная идея состояла в том, что он решил проконсультироваться, разумеется бесплатно, у своего дальнего родственника.

– Вот он мне и поможет заявление грамотно написать, так чтобы с бабки содрать за испорченные вещи, укус, ну и моральную компенсацию!

Троюродный брат Виталий трубку взял не сразу. А потом стал задавать абсолютно дурацкие, с точки зрения Бориса, вопросы:

– Не понял... Тебе чего? Заявление помочь написать юридическими словами? – Виталий хмыкнул, – Аааа, ты пострадал? Тебя пригласили в гости и что? Укусили? Кто? Девушка? Её бабушка? Аааа, собака... Понятно. Большая? Мааа-ленькая. А что ты там такого сделал с девушкой или бабушкой? Совсем-совсем ничего? Просто так кинулась? Нет, за укус, конечно, можно потребовать компенсацию! Только если они не скажут, что собака их защищала. Конфликта же не было? Быыл? Ну, так что ты хочешь? Самооборона на их

территории.

Родственник точно знал, что Боречка ни за что в жизни ему не платил. Были уже прецеденты... Он и трубку-то брать не хотел. Но после того, как услышал продолжение, не пожалел об этом! Более того, шустро включил запись разговора и беззвучно посмеиваясь, продолжал расспросы:

– Тебе что ещё сделали? Да-ты-чёёё? Укусил кто? – Виталий весело покосился на свою жену, которая была настолько заинтригована вопросами, что уселась рядом и ловила каждый звук. – Собака тебя уже кусала.

Он прикрыл микрофон и разъяснил супруге:

– Борька звонит! Сходил в гости к девушке и его там оценили по заслугам! Теперь я не могу понять, кто его ещё укусил. Не бабка, не внучка, не Жучка. Нет, то есть собака укусила, но слабо, не до крови и вообще, она маленькая. А вот кто ещё... – он убрал руку от динамика и вслушался.

– Не понял? Кто укусил за руку и за голову? КТО? Попугай?

На некоторое время супруга Виталия выпала из реальности, обняв диванную подушку и заглушая ею рвущееся на волю веселье.

Виталий, обладая профессиональной выдержкой, сумел взять себя в руки и продолжил уточнять обстоятельства дела.

– Так, птичка, значит... Аааа, какаду! Это уже солиднее. Так. Тебя укусил, то есть клюнул какаду? И наср... Ой, то есть того... пометил? – Виталий ощущал, что ещё немного, и

его выдержка даст трещину! – А куда? И туда и на дублёнку? А шапку ты сам на голову надел. Ну, логично, конечно! Куда ж её ещё... То есть ты хочешь подать заявление об укусе собаки, щипках попугая, депиляции, проведённой попугаем в районе волосистой части головы и оставлением оным попугаем в месте депиляции птичьего помёта в большом объёме? Ага. Понял. И ещё порчи верхней одежды типа «дублёрка» путём ээээ... дефекации вышеупомянутым попугаем. Ага. Многократной. Так. Я подумаю... Что? Это ещё НЕ ВСЁ? Погоди! Я так не запомню. Запишу!

Виталий, плотно зажал динамик, расхохотался, а отсмеявшись и утерев слёзы, продолжил разговор:

– Так, я тебя внимательно слушаю дальше! Бабка оскорбила словами, собака и птица действием, кто был ещё? Кошка? – Виталий сдавленно хрюкнул и погрозил пальцем жене, от смеха сползающей с подушкой на пол. – Нееет? Не кошка, а кошки? А они что сделали? Поцарапали? Кровь есть? Нет... Ну, если следов нет... Есть следы? В рукавах дублёрки и сапогах? Блин! Во дают! – это было произнесено с таким восхищением, что Борис насторожился.

– Ты что? Смеёшься? Смешно тебе? Я тебе как профессионалу звоню! А тыыыы!

– Как профессионалу ты мне должен двадцатку за прошлый раз. Да, именно, когда я тебе составлял кучу договоров и писал иски. Это я тебе ещё по-родственному посчитал и ты, между прочим, согласился и обещал оплатить ещё два

года назад, – напомнил ему Виталий. – Сейчас я тебе тоже помогу. Ладно уж. Слушай! Ты пришёл в гости к девушке. Как я понимаю, с целью знакомства с её родными, и в частности, с бабушкой. Верно?

– Да, всё именно так и было! А эта старая кошелка с деменцией развела псарню, кошарню, и этого паразита крылатого!

– Чудак-человек! Это тебе можно иск выставять, если ты хоть что-то подобное им там сказал. Ты оскорбил пожилую женщину, когда начал указывать ей кого и как она должна держать.

– Да никого не должна! Выкинуть их всех и всё! – разъярился Борис.

Виталий продолжал, словно его и не перебивали... – Полез с хамскими замечаниями, тебя попросили уйти, ты начал оскорблять, небось, ещё и руками размахивать.

– Просто поднял руку!

– А они могут сказать, что напал, оскорбил, попытался убить попугая, и он от ужаса тебя унавозил... и кошки тоже... от страха того... А может, это был вовсе и не попугай и не их кошки, а ты где-то по чердаку лазил, осматривал его для своих риэлтерских целей и там перепугал местных кошек и голубиную стаю, вот тебя и уделали! Твоё слово против их заявлений.

Борис даже не сразу сумел выразить своё негодование. А когда уже был готов высказаться, то Виталий ловко пресёк

эту попытку.

– Я тебе вот что скажу – сходи ты в полицию, сделай доброе дело! Повесели мужиков! У них работа трудная, опасная, а тут такая смехотерапия с бесплатной доставкой. И да... Не забудь про мою двадчатку!

Борис ругался долго, бегал по квартире, высказывая в пространство своё бесценное мнение о негодях, встреченных сегодня на его жизненном пути.

Он ещё не знал, что Виталик, решивший, что раз денег он с Бори всё равно никогда не получит, так хоть морально развлечёт родню, разослал всему семейству запись разговора с Боречкой. Именно благодаря этому во многих семьях этот вечер стал значительно веселее. А кроме того, одна из его двоюродных тёток припомнила о том, что на Борином попечении находится его бабушка.

– Надо бы проведать её. Давненько мы её не навещали. А если этот... какадуборец такой нудила и крохобор, ей жить может быть очень и очень не просто!

Глава 7. Болтливый источник информации

Мила плакала. Дело само по себе обыденное и довольно-таки несложное. Тем более, что повод абсолютно законный – кому приятно узнать, что человек, в которого ты угодилась всерьёз влюбиться, на самом деле собирался безжалостно повыкидывать из твоей жизни всех, кто тебе дорог, наплевать полностью на твои взгляды, желания, просьбы. Попросту переделать тебя от начала и до конца, руководствуясь исключительно своим мнением и желаниями.

– Бабушка, ну как же так? Ну, почемууууу? За что он так со мной?

– Милая моя, солнышко моё, такое бывает. Ты просто не сталкивалась с такими людьми. Ему просто не интересно что хотят окружающие. Он хочет загрести мир под себя. Всё, до чего сможет дотянуться.

– Как этот... кадавр в «Понедельник начинается в субботу»? – всхлипнула Мила, пытаясь хоть немного улыбнуться.

Зрелище было откровенно жалким и Елизавета Петровна, тоскуя об упущенных возможностях, невесело покосилась на кухонную скалку.

– Кошки и то душу отвели! Гаврила вот, расстарался, Фокса позабавилась слегка. А я? Ууууу, я бы его! – зрелище

отделанного скалкой Бориса подразнило достойную даму и растаяло, напрочь смытое потоком слёз внучки.

– Получается, что не я ему была нужна, а это? – она махнула рукой на стену кухни, где они с бабушкой так и сидели после эпохального выдворения Бориса из квартиры.

– Я не думаю, что ему интересны люди, – осторожно ответила Елизавета, приглаживая рыжие крупные кудри внучки. – Ему интересно только то, что он может от них получить! Для себя лично.

– Какая я дура! Как же я не поняла. Почему я не увидела? – Мила никак не могла остановиться. Слёзы текли и текли, не принося никакого облегчения. – Почему он вообще решил, что может распоряжаться моей жизнью? С чего он взял, что может планировать что-то про наше имущество? – бабушка давно сказала, что двушку отдаёт Миле, но она сама никогда бы не стала что-то требовать или планировать вперёд бабушкиных решений. – Это же твоё!

– Мне вот другое интересно, а откуда он вообще взял, что у тебя что-то такое ценное для него имеется? – Елизавете Петровне, на самом деле, это было не интересно, но ей очень хотелось переключить Милу с её страданий на что-то менее болезненное.

– Я сдуру сказала, что я у бабушки живу и рассказала, что у тебя забавная квартира – двойная. Ой, я дура-то... А он ещё всё выпрашивал, сколько у меня братьев-сестёр, родных и двоюродных. Ну, про двоюродных я сказала, что есть

два брата Ваня и Игорь, так он начал выяснять, по какой они линии. А мне и в голову не пришло, что это он с точки зрения, кому что достанется!

– Наивная, добрая, открытая моя девочка. Да, конечно, совсем неподготовленная к тому, что её имущество может интересовать кого-то гораздо, несоизмеримо больше, чем она сама! – думала Елизавета Петровна, когда Мила всё-таки уснула. При мысли, что тот мерзавец посмел обидеть её Милу, у бабушки хищно сощуривались глаза и сами собой сжимались кулаки. – Только вот всё равно странно. Неужели же такой расчётливый тип просто так подошёл к ней на остановке? Или кто-то ему Милу показал?

Фокса, ощущая настроение хозяйки, нервно поёживалась и пятилась, норовя забиться под диванчик и вообще сделать вид, что её тут нет.

Гаврила, как птиц гордый и смелый, восседал прямо напротив Елизаветы и вносил в её размышления свежую струю – помахивал время от времени крыльями.

– А всё-таки даже жалко, что мне не довелось принять более действенное участие в миссии по выдворению этого паршивца! – злилась Елизавета. Потом, уже глубокой ночью, она сообразила, что куда-то исчезли все кошки. Отправилась искать и обнаружила их с Милой. Все три мурлыкали, явно стараясь помочь Миле, по-детски всхлипывающей во сне.

– *Rrrразные люди в мире встречаются, рразные жизни пересекаются, тропы чужие пройдут стороной, помни себя*

и останься со мной. Мимо, всё мимо чужих, непонятных, хлипких мостков и прыжков безвозвратных, тенью для них незаметной пройди, где-то твоё тебя ждёт на пути. Жертвы не требуя, жизнь не калеча выйдет когда-нибудь кто-то навстречу, выйдет чтоб вместе с тобою идти, просто пока подожди. Мы вытираем тяжёлые слёзы, мы прогоняем тоску и угрозы, сердце бедой не неволь. Спи, будут сны твои кошкой согреты, мы и приходим к вам, людям, за этим. Это кошачья извечная роль.

Буня явно солировала, выпевая песенку прямо на ухо Миле, измученной усталостью и отчаянием, столкнувшейся первый раз всерьёз с подлостью и обманом.

Елизавета встретила взгляд внимательных кошачьих глаз и легонько кивнула.

– Умницы вы мои. меховые мои душегрейки! Ничего, лучше так! Иногда надо выплакаться досуха, оглядеться и понять, что жизнь на этой подлости не закончена, что это нужно просто переступить, оставить в прошлом и жить дальше.

Она вернулась в кухню и строго погрозила пальцем Гавриле, открывшему было клюв, чтобы высказать своё мнение о сложившейся ситуации в доме.

– Гаврила! Клюв бинтиком завяжу! Цыц! И всё-таки интересно, почему он подошёл именно к Миле?

Очень скоро эта загадка разрешилась.

Одногруппница Милы – бойкая и шустрая Нина заметила,

что Милка выглядит заплаканной и расстроенной.

– Мил, ты чего такая? А? Ну, колись-колись? То прям летала, а то... – Нина обожала быть в курсе событий и терпеть не могла скрытность. Сбор информации для неё был сродни азарту охотничьей собаки.

– Нина, всё у меня хорошо! – отмахивалась Мила, решившая, что чем меньше окружающие знают о её жизни, тем эта самая жизнь и лучше, и безопаснее!

– Нууу, не будь такой буукой! – Нина затеребила скрытницу. – Вечно у тебя какие-то секреты.

Мила отшутилась и сумела смыться от приставучей знакомой.

– Как у неё на всё энергии хватает? И учится, и подрабатывает курьером, и успевает задавать всем миллион вопросов... – вздохнула Мила.

Следующая порция этого миллиона вопросов настигла Милу уже через несколько дней.

– Слууууушай, а чего это тебя твой молодой человек не встречает? – Нина была исключительно упорна.

– Какой молодой человек? – нет, Мила отлично понимала, какой именно, просто надеялась как-то слинять, пока Нина будет формулировать, какой именно.

– Ну, как какой – Борис! Тот, который риэлтором работает в здании напротив, – Нина с жадным любопытством воззрилась на Милу.

– Так! Погоди-ка, а откуда ты знаешь, что он Борис и где

работает, да ещё кем? – Мила прищурилась.

– Ээээ, ну, слыхала как-то. Да! Ты же мне сама рассказывала! – попыталась увильнуть Нина, соображая, что язык вообще-то враг её! И Борис, который нанимал её в качестве курьера, не раз повторял, чтобы она Миле не проговорилась о том, что ему про одногруппницу рассказывала.

– Вот уж что я точно тебе никогда не рассказывала, так это про Бориса! – нет, Мила вовсе не стеснялась его, просто это было настолько личное и радостное чувство, что не хотелось о нём болтать. Она вообще не любила откровенничать на личные и очень личные темы.

– Ну, значит, кто-то другой говорил... – заюлила Нина, ощущая, что дело отчётливо запахло керосином.

– Про Бориса я НИКОМУ в институте не говорила ни слова! – Мила, которая всё детство провела на ферме, вовсе не была девочкой-ромашкой. Она могла остановить и большого пса, и кое-кого покрупнее. Ветеринар, который работал с отцом, частенько пользовался этим, и просил Милу придержать ту или иную корову.

– Прямо дар у девочки. С иной – уговорами да лаской, а на иную и прикрикнет, стоять, мол! Аж самому замереть хочется, – смеялся ветеринар.

Нина, которая никогда такого тона и вида у Милы не слышала и не видела, так изумилась да растерялась, что выложила о том, что про ферму Милиного отца она узнала, когда Мила спрашивала совета преподавателя, объяснив, зачем ей

нужны данные о побочных действиях препарата на тельную корову. Может, лучше другой выбрать?

И про Бориса выложила: – Ну, а чё такого? Я у него курьером подрабатываю, ну спросил, кто у вас того... состоятельный... Нормальный вопрос. Ты ж богатенькая.

Миле страшно хотелось высказать этой бесцеремонной и болтливой пронице всё, что она о ней думает. Чуть сдержалась, торопливо ушла и уже не слышала, как Нина возмущалась.

– Тоже мне, королева коровника! Чё такого-то. Нормальный интерес серьёзного мужика! Да я бы рада была, если б он на меня внимание обратил. Только я ж не из этих... фермеров-богатеев.

Макс, понимая, что делом он занимается безнадёжным, и возможно, пустым, привычно прогуливался у заветного перекрёстка.

– А что? Работу отработал, свободен как сокол! Имею право летать где хочу! И что показательно, в выбранной плоскости! – он обратил внимание, что его необъяснимые падения как-то сошли на нет. – Итак, гуляем, гуляем, смотрим по сторонам, радуемся свежим автомобильным выхлопам, дышим полной грудью, берём пример с мамочек, которые грудничков вдоль улицы катают! – он неодобрительно покосился на двух болтушек с колясками, которые упорно прогуливались по самой экологически неудачной местно-

сти. – Ещё можем порадоваться моросящему московскому дождичку! А ещё некоторые всякие на Питер кивают, мол мокро... Ха, три раза! Под ногами – болото и сверху примерно то же самое! Итак, радостью уже джинсы по колено и вся куртка полна, но ты ж, Максим Антонович, упорен как баран! Ищешь невесть кого и непойми зачем! Ну, вот пусть даже найдёшь! И что? Что ты скажешь-то ей? Я ваш навек с тех пор как мы упали?

Он покрутил носом.

– Чего-то не звучит! Или... я вас искал, чтоб снова рухнуть нафиг? А зачем мне искать, если я и без неё падал всю зиму?

Он призадумался и чуть было не пропустил рыжую выющую копну волос.

– Че-го? Она? Или опять обознался? – у Макса аж руки задрожали. Он заспешил за заметной гривой и едва не упустил её, когда девушка, словно только заметив, что моросит дождь, натянула на голову капюшон. – Ёлки! Не потерять бы!

Макс прибавил шаг и обогнав девушку, обернулся, стараясь увидеть её лицо.

– Она! – его словно обожгло – и радость, и страх, что он всё себе придумал, вот сейчас заговорит с ней и поймёт, что искал собственную фантазию, миф. Он присмотрелся к лицу Милы, стараясь идти параллельно и при этом никого не сшибить. – Что-то с ней случилось!словно в воду опущенная. Беда какая-то?

У него от волнения горло перехватило.

– Как прикажете заговорить с девушкой мечты, которая только что не плачет? Идёт, словно камни на плечах несёт? Что сказать-то? Я тот, кто в вас врезался? Ну, ты и бааарааа-ан! – сообщил Макс сам себе.

– Мила! – звучный мужской голос заставил Милу вздрогнуть, а Макса чуть отступить в сторону.

К его девушке-мечте подходил какой-то ферт в дорогом пальто.

– Мила стой! Нам надо поговорить! – он так уверенно говорил, что настроение Макса упало, скорчилось и попыталось закатиться в ливнёвку, забитую смесью льда и солевого раствора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.